ИБИС

Альманах

№ 18

- Этика
- Эзотерика
- Литература
- Философия
- Медицина
- Наука

Информация

Начиная с этого номера, журнал будет выходить под названием "Ибис".

Содержание:

№ файла

- **1-я страница обложки** 01
- **2-я страница обложки** 02
- **Теперь журнал называется "Ибис"!** 03
- **Эпиграф к журналу** 04
- **Сначала прочтите это** 05
- **О недавнем Духовном соборе России** — *Е. Левашов* 06
- **Основные вопросы Бытия через ясновидение (***продолжение***) —** *А.Метельский* 07
- **"Загадки Пространства и Времени"** — *Брэд Стейгер (окончание)* 08
- **Настоящая литература! "Прах и пепел":** *роман Анат.Рыбакова о временах сталинизма (гл.3)* 09
- **Очерки преступного мира (***продолжение***) —** *Варлам Шаламов* 10
- **Сатирофантазия Бруно ЯСЕНСКОГО "Нос"** (*продолжение*) 11
- **Сатирофантазия Татьяны ТОЛСТОЙ "Кысь": о нашем времени и ближайшем будущем?..** (*продолжение*) 12
- **Малоизвестное о Сусловой, Достоевском, Розанове** — *М. Буянов, психиатр* 13
- **Интервью с редактором данного журнала** 14
- **Теософский словарь** — *Дж. Мид* 15
- **"Альтист Данилов"** *(продолжение; глава 17)* 16
- **Продолжение "Альтиста Данилова": "Шеврикука, или Любовь к привидению" (гл.3)** — *В.Орлов* 17
- **Стихотворение** — *Редьярд КИПЛИНГ* 18
- ***Цитата номера*** 19
- **Философема к журналу** 20
- **3-я страница обложки** 21
- **4-я страница обложки** 22

В Древнем Египте один из аспектов бога Тота изображался с головой птицы ибис, с пером и табличкой писца, и птица ибис стала считаться священным писцом богов, записывавшим мысли, слова и деяния людей и взвешивавшим их на весах. В дальнейшем она стала символом мудрости бога Тота, его проницательности и чистоты. Треугольные крылья ибиса символизируют первую геометрическую фигуру и триипостасность тайны. Ибис также символизирует человеческий аспект бога Тота — Гермеса Трисмегиста.

Редактор,
бывший жрец храма Амона-Ра
в Древнем Египте при Тутанхамоне,
бывший первосвященник Дании и Швеции,
бывший священнослужитель монастыря в Пиренеях,
священник католического костёла в Польше,
и прочая

"Самого себя как целого можно достичь только если полностью понимаешь, что обычный мир — это просто точка зрения, независимо от того, принадлежит ли она обычному человеку или магу.

* * *

После целой жизни борьбы я знаю, что по-настоящему важным является не просто научиться новому описанию мира, но прибыть к нему целым: следует прибыть к нагуалю, не покалечив тоналя, и превыше всего — не покалечив своего тела."

Дон Хуан

(К. Кастанеда, "Сказки о силе")

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЯ:

Каждой рубрике журнала обычно соответствует её постоянная картинка, расположенная слева от названия и в той или иной степени отражающая содержание данной рубрики. Эта картинка — и вообще рисунки — видны только в режиме "Просмотр страниц" (по-английски "Print Layout View"), почему мы на третьей странице обложки стандартно просим читать именно в этом режиме. Рисунок (картинка) строения атома придан, например, рубрике "Наука", и так далее. Иногда название рубрики вынесено в колонтитул, и рисунка-картинки тогда, как правило, нет — её заменяет название рубрики и стандартное, рядом с названием, изображение трёхлепесткового пламени над чашей. Агни-йоговцам и сторонникам Профетов это будет особенно близко... Так что если вместо рисунка-картинки при рубрике вы увидите нечто другое — значит, стоящая на Вашем компьютере версия Виндоуза или Ворда не та, или таких рисунков в Вашей машине нет, или что-то ещё. Мы, со своей стороны, всё проверили.

Вот примеры рисунков-картинок, которые могут быть на Вашем компьютере не видны и заменяться буквами или чем-нибудь другим: 1 — золотой христианский крест; 2 — красный автомобиль скорой помощи.

1:

2:

Также предоставляем папку с применёнными нами шрифтами — папка "FONTS". Желаем приятной работы.

О ДУХОВНОМ СОБОРЕ РОССИИ

Е. Левашов,
редактор журнала

С 19 по 21 мая 2001 г. в Москве состоялся очередной Духовный собор России. Таких соборов прошёл уже добрый десяток, все они "имели место быть" в Москве, и возглавлял их всё тот же А. И. Осипов. Был, конечно, и оргкомитет, состав которого я не знаю. Но как я уже написал в другой статье, я состоял в одном из таких оргкомитетов и видел их работу изнутри. Чтобы не повторять уже написанное, скажу лишь, что с духовной точки зрения работа эта (скажем мягко) — явление расстраивающее. Хотя чисто организационно это, конечно, работа большая, так как надо найти и оплатить помещение, обеспечить приезжающих из других городов жильём, собрать и издать тезисы докладов и проч. И кстати, уж сразу о тезисах докладов. Полиграфически изданы они нормально, но содержание их прискорбное: одна болтовня о духовности, да ещё плохим языком, поскольку, разумеется, ни редактуре, ни корректуре это издание не подвергалось. Но всё бы это ещё Бог с ним, если бы не то, что материалы эти именно таковы, какова и

"духовность" этого Собора. А упирается она, разумеется, в бездуховность А. И. Осипова как его "начальника": об этом я написал статью[1], и кстати, это явление отмечено и С.Н.Лазаревым (где он пишет о качестве продукции винзавода в зависимости от качеств директора этого завода). Бездуховность была раньше, имеется и сейчас. Доказывается это, в частности, тем, что эти соборы собирают народу всё меньше и меньше. И безусловно, не один я всё это замечаю, но на век Осипова простаков хватит — Россия большая.

К тому же выступить на Соборе да ещё напечататься в его "Тезисах..." — людям тщеславным это нужно, чтобы быть заметными среди подобных себе. К тому же подрастает молодёжь, и глядишь, можно будет им преподавать свою "духовку" — тем более что и книги написаны... И так уже делается, и это один из способов одурачивания людей Сатаной. Нашими же руками нас и убивают — дело обычное и давнишнее.

Конечно, на Соборе было принято очередное обращение к власти; но чихать она хотела на эти

---

[1] Кто забыл ее содержание, напоминаю: когда было заседание оргкомитета по подготовке Собора 1999 года, то на Пречистенке сидело трое членов оргкомитета, и я в том числе. (Хотя должно было быть восемь человек. Тем не менее Осипов наплевал на демократию и обсуждал всё со своей заместительницей Колузановой, а меня хотя и пригласил, но в течение часа моим мнением не поинтересовался. Могу вас заверить, что в этот Оргкомитет я вовсе не рвался — хотя бы уж потому, что в мои 58 лет слишком суетиться и нервничать мне ни к чему.) Так вот: когда в нашу комнату в тонком теле пришел Николай Угодник и скромно сел сзади на стул, то Осипов и Колузанова, занятые разговором об обеспечении духовности Собора, не заметили, как пришла Сама Духовность... Вот вам их уровень Таковы же и их Соборы.

Соборы, как и раньше. И похоже, что правильно делает.

Некоторая польза от этих Соборов, впрочем, имеется: они способствуют общению претендующих на духовность по всей стране, а единство в благих устремлениях — это хорошо. И как говорится, Москва не сразу строилась, и нет худа без добра. Но мнение всё же у меня однозначное: именно духовности на этих Соборах нет.

Что касается "Тезисов...", то приведу пару цитат из доклада небезызвестной (и знаменитой в "духовных кругах"!) Л.В.Перетрутовой, директора института под названием "Тетрада". (Вообще, титулов у неё целая куча. Откуда только берутся. Да и институтов этих, и академий, и соответственно академиков развелось как собак нерезаных. Куда сегодня ни плюнь, попадешь либо в институт, либо в академика, а уж в академию можно и неприцельно.) Так что каждый читающий нижеследующие строки и имеющий чувство языка оценит перлы её болтовни:

1. "Именно сейчас встает очень серьёзная проблема "отделения зерна от плевел" как отделения появившихся в большом количестве ментальных моделей и представлений ума-формы от реальных переданных знаний ашрама Иерархии."

// "Зерна"... Как будто это колхозная молотилка. Уж поимела бы добросовестность не искажать библейскую фразу. ///

2. "Таким образом весь Институт // которым она руководит. — Е.Л. // **... существует по лучам... Что такое лучи? Это сквозные структуры, где разные элементы по уровню идут по одному вертикальному лучу. Каждый из наставников держит свою линию луча, четко удерживает весь субстрат этой линии как Древо Жизни, которое соединяется в единой троичности группы. ... Вся эта наука трансмутации и посвящения соответствует метахимии элементов живого сознательного вещества души, которая четко классифицирована, изучена до степени валентности, до способности концентрации или, наоборот, объемности и рыхлости сознания."**

/// "Субстрат линии"... Ну вот хочет человек выглядеть учёным, хоть тресни. Да ещё этот "субстрат" удерживают не как-нибудь, а не менее как "Древо Жизни"... //

3. "Именно ученик становится в основу новой науки и прокладывает ту новую жизнь к вечным истинам и знаниям..."

// Ну и язык... "Становится в основу", "прокладывает жизнь к истинам"... //

Чем больше живу, тем больше убеждаюсь: кто из наших соотечественников, претендующих на ученость или духовность, недостаточно владеет русским языком — не чувствует его! —

тот либо не учёный, либо не духовен. А для сравнения можно взять провинциала Мишу Ломоносова — писателя и поэта. Я проработал в науке десять лет при советской власти (туды её в качель), имею научные работы, читал отечественных и зарубежных классиков науки и скажу: все они языком ВЛАДЕЛИ.

И добавлю ещё как редактор: когда мне нужно быстро оценить предлагаемую статью, то я в первую очередь смотрю на язык; и до сих пор я по этому критерию не ошибался.

Так что, подытоживая о Соборе: духовности там почти никакой, что ярко видно из "Тезисов докладов". Единственные два исключения: (а) — прекрасный установочный доклад действительно компетентного человека, академика МАИ В.Н.Лисина, — но увы: он сделал его с трибуны, а в "Тезисы..." дал какую-то халтуру, писанную, ей-Богу, не им; и (б) доклад профессора С.В.Зенина, действительно настоящего ученого, исследующего свойства воды и не только. Впрочем, его выступление об этом же на конгрессе "ИнтерЭНИО-99" мы напечатали в одном из предыдущих номеров.

Толково выступили и некоторые другие — например, М.Тоненкова из Нижнего Новгорода, тоже настоящая учёная. И в основном выступали именно учёные, то есть, как правило, не трепачи и не балаболки о чём-либо труднопроверяемом и, в частности, о духовности. (В науках естественных особо и не

потрепешься.) Однако Собор-то ведь именно "духовный". И к сожалению, почти все выступавшие учёные аспектом духовности, связи с нею своей науки — озабочены не были. Но и это дело обычное: в серьёзных случаях — это отцы американской атомной бомбы Эдвард Теллер и Роберт Оппенгеймер, в СССР это отец того же Андрей Сахаров, в Германии и затем в США это (поздно спохватившийся) Эйнштейн — и т.д. и т.п...

Короче говоря, увы нам с такими Соборами.

Но у меня могут спросить: а почему ты считаешь, что к твоему мнению стоит прислушиваться? На это отвечу, что, во-первых, такой вопрос каждый должен задавать не другому, а себе самому. Во-вторых, в номере 15-м журнала часть ответа на этот вопрос я уже дал.[2] И в-третьих, привожу данные экспертизы о некоторых моих воплощениях (примерно 10%):

***Душа* — пришла на Землю**
с 1-го неба Венеры — тамошнего Рая.

- **2-й век после прихода душ на Землю. Лемурия, 13 детей, мужчина, в групповом браке, прожил 44 года, ушел на 1-е небо (Земли).**

---

[2] **Очень кратко напомню: по данным экспертизы, достоверность моей информации не меньше, а даже чуть больше достоверности информации Е.П.Блаватской.**

- **161 тысяча лет назад, Замбия, женщина, глава рода, 14 детей, в групповом браке, прожила 45 лет, ушла на 1-е небо.**

- **25 тыс. лет назад, Франция, мужчина, охотник-собиратель, 11 детей, групповой брак, прожил 46 лет, религия - культ предков; ушел на 1-е небо.**

- **13 тыс. лет назад (до н.э.), Атлантида, жрица храма Ра, отправляла ритуалы, получала знания, безбрачие, бездетность, культ предков, культ Ра, 51 год, на 3-е небо. (Уровень скромный, могла бы и выше подняться, потому что многие главные жрецы поднимались там и на пятое.)**

- **13-й век до н.э., Египет, мужчина, жрец храма Амона, в 16 лет стал иноком при храме (тогда фараоном был Тутанхамон, которому было 18 лет. Через год его отравили). Инок видел фараона, но фараон инока не знал, так как общался только с двумя высшими чинами храма. В 19 лет инок был посвящен в жрецы, исполнял ритуалы при храме. Контактировал, безбрачие, бездетность, жил 60 лет, культ Амона—Ра, ушёл на 3-е небо. (Опять же мог набрать и выше, потому что там жрецы получали и больше.)**

- **1-й век до н. э., женщина, знахарка, целила, снимала сглаз, контактировала, один ребенок, 25 лет, убита по ложному обвинению в порче.**

Религия древних скандинавов. Ушла на 1-е небо. (Невысоко. Но необязательно сама виновата.)

- **4-й век нашей эры, Месопотамия, Вавилон, царь, получал знания, 1 ребенок, прожил 30 лет, погиб в битве с эламитами. Культ предков, культ неба. Ушел на 1-е небо. (Невысоко, хоть и царь, так как что хотел, то и делал, жил в своё удовольствие, как нынешние новые русские.)**

- **8-й век н.э., Австралия, женщина-аборигенка (отрабатывала вавилонского царя); 5 детей, 50 лет, культ предков, тотемизм; 2-е небо. (Вот ведь дикарка, а ушла не ниже, чем вавилонский царь и жрецы. Это поучительно.)**

- **13-й век (начало), Чили, страна инков, главный жрец храма бога Солнца. Три ребёнка, жил 60 лет, контактировал, ушел на 2-е небо. (У всех там жрецов были кровавые человеческие жертвоприношения, и поэтому они высоко не поднимались. Но кажется, я это частично искупил своей там смертью: за то, что я был там со многим не согласен, меня, согласно тогдашнему ритуалу, жрецы наказали: сбросили с вершины пирамиды. Это мне напоминает убийство семьи и самого царя Николая II в России: такой неприглядной смертью он частично искупил вред от своего плохого царствования.)**

- **13-й век, середина и конец (**предположительно параллельное существование. О них см. статьи в предыдущих номерах.)**: первосвященник (высшее духовное лицо) тогдашних единых Дании и Швеции Якоб Эрландсен. О нём имеется книга в Российской гос. библиотеке (бывш. Ленинская).**

- **16-й век, Германия, женщина, княгиня, хозяйка земли (это административно-территориальная единица); 1 ребенок, была инициатором применения приёма черной магии против любовницы мужа. Если бы сама применила, то попала бы после смерти ниже астрала --- в ад. Один ребенок, прожила 60 лет, католичка, ушла в астрал.**

ИТОГО:

Вектор кармы в общем положительный, но с одним срывом до астрала.

*** * ***

Так что хотя я и не высоко уходил, но по сравнению с инкарнобиографиями многих сегодняшних предводителей дворянства (то бишь духовенства...) выгляжу неплохо и кое-о-чём судить могу.

О некоторых основных вопросах*

Андрей МЕТЕЛЬСКИЙ

Ещё одна очень редкая способность — яснообоняние. Она встречается у 0,05% людей. Пользы от неё пока на Земле не видно, разве что в целительстве по запаху от психически больного можно определить, действительно ли он болен и данной ли болезнью. В целом от такого больного пахнет испортившимися лекарствами. В чистых же мирах яснообоняние дает возможность более тесного общения с цветами: у них удивительно прекрасные и даже целебные ароматы. Но в наших условиях через эту способность лезут почти всегда грязь и гадость, хотя два-три раза за последние десять лет я именно обонянием ощущал присутствие некоих Высоких Существ. Возникает же яснообоняние через любовь к цветам, заботу о них и через чистоплотность.

При целительской работе, которой я, правда, уже больше не занимаюсь, основой у меня являлось использование нескольких ясноканалов при ведущей роли ясновидения — как и в обычной жизни у всех. Это и понятно, так как другие каналы имеют более узкий диапазон: интуиция работает на частоте 40-160 тыс., чистое яснослышание (на Земле) на 160-220

---

* *Продолжение. Начало в номере 1.*

тыс., ясноосязание на 0-90 тыс.ед. Ясновидение же возможно на всех частотах, но с учетом того, что я говорил об особенностях личного диапазона. По мере работы он может расширяться, но закономерности относительно неложности информации остаются.

И ещё одна важная особенность того, что мне открывалось через (чистое?) ясновидение: отсутствие всякой загадочности и таинственности, каких-то шифрованных образов и символов. Конечно, образы невидимого мира имеют именно символический смысл, но символика эта строится на естественных связях явлений, на картинах, знакомых по нашей земной жизни, — повидимому, потому, что в основе организации (нашего) мира лежит именно принцип подобия. Возрастают тонкость и гармония форм, но суть явлений остаётся единой для всех слоев и уровней организации Бытия, так что понять всё это не трудно. Например, люди с высоким диапазоном ясновидения обнаружат на уровне 230 тысяч в животе человека целую страну с красивым деревом, голубой рекой, зелеными холмами, с пасущимися на их склонах белыми барашками; под деревом можно разглядеть небольшую фигурку юноши или девушки, играющих на музыкальном инструменте, а сверху светит оранжевое солнце — наше обычное земное солнце. Так на этой частоте мне виделся образ желудочно-кишечного тракта и очистительной системы. У одного больного я видел его

совершенно разбитым, а когда всё восстановил, то болезнь прошла. Расшифровал я показанное (или увиденное) так: корни дерева — это мочеполовая система и мускулатура желудочно-кишечного тракта; земля — это слизистая оболочка кишечника, и при её недостаточности у больного возникает расстройство колитного характера, а разрушается почва при вампиризме красных потоков; трава — это ворсинки кишечника, а барашки — микрофлора: если барашков мало, то это дисбактериоз, а если среди них попадаются грязно-синие, черные или коричневые, то это скрытая инфекция. Голубая река — это главный очищающий поток. Она поступает из голубого слоя ауры и начинается на уровне вишудхи. Голубой цвет связан с эмоциональностью, и если эмоциональная жизнь души сопровождается отрицательными проявлениями, то река течет грязная, нарушаются процессы очищения и, как следствие, функционирование всей системы.

Так что становится понятной роль пресловутых "нервов, от которых все болезни". Ствол дерева — это желудочно-кишечный тракт, крона — органы внутренней секреции, листья — продукты пищеварения, запас питательных веществ. Юноша или девушка — руководители этой части организма, задающие и поддерживающие необходимый ритм и слаженную работу всей системы.

Теперь я перехожу к описанию тех образов, которые видятся мне на тех или иных

отдельных планах (уровнях) души. Описывать я буду "медицинскую норму", их правильный натуральный вид, хотя практически ни у кого этой нормы нет. Например, дерево упало, страна погружена во тьму, река засыпана грязью или высохла, девушка лежит без сознания и т.п. И здесь надо молиться, чтобы всё восстановилось в нормальном виде. К кому конкретно обращать ту или иную молитву, я скажу ниже.

Птицы нашей души

Образ птицы — это образ именно ангельских, а не Сатанических душ. Это начало ангельских уровней организации (нашего) мироздания. Это связные, это вестники, обеспечивающие общение и взаимодействие между различными планами мироздания и его структурными элементами. Как сказано в Библии, "птицы небесные перенесут слова ваши...". На одном из уровней рассмотрения нашего мироздания можно увидеть, что фигура человека окружена, как оболочкой яйца, стаей белых птиц. Они заботятся о нём, как о своём птенце, а когда яйцо созревает, то оттуда вылетает птица. И задача ангельских миров в том, чтобы все человеческие души достигли уровня ангелов — что, собственно говоря (и именно поэтому) мы и делаем в нашем обычном человеческом виде.

Во главе наблюдаемой тут стаи птиц должна лететь золотая птица Божественной Мудрости. Когда мы вырастим её в себе, то значит — созрело наше ангельское внутри нас. На Земле душ с такой созревшей птицей Мудрости очень мало, так как обычно это спецмиссионеры — пророки и крупные святые. Среди них можно назвать Джорджа Вашингтона, П.Пестеля, Александра Солженицына и ещё четырех других. Реализоваться им на Земле чрезвычайно трудно, что обычно и видно по их биографиям. Самый большой процент реализации был у пророка Магомеда (да благословит Его аллах и да ниспошлёт Ему мир) — 23%. У Серафима Саровского было 10%, у Павла Пестеля 3%, у Вашингтона 2, у Солженицына примерно 5. Дело в том, что Сатанические силы, умело исполняя свою задачу, обрушиваются прежде всего на них, на носителей этих птиц. Мы видим разрушение и гибель этих людей на Физическом плане, но основная работа самих птиц происходит на плане Тонком.

И в своей родной им стране, в глубинах мироздания, эти птицы живут в саду святой Софии Премудрой и пишут там книги. Это их основная работа. Они относятся к женской стороне мироздания, и их главной покровительницей является мать всего сущего — Пресвятая Владычица наша Богородица. Птицы находятся под Её особой опекой.

Но пока что впереди стаи птиц летит не птица Мудрости, а три дочери святой Софии — Вера, Надежда и Любовь. Причём впереди летит Надежда. Она самая стойкая, самая упорная в этой земной жизни, полной препятствий и опасностей. Недаром говорится, что надежда умирает последней. Но главной целью земного этапа развития является птица Веры: именно ею — белой птицей Веры — улетают наши души из мира земного в мир Небесный. Но в земной жизни птица Веры фиолетовая, и её главная задача — соединить миры земной и Небесный, стать проводником, устремляющим душу в верном направлении. А сюда она несет высший закон мироздания — закон Любви. Надежда передаёт эстафету Мудрости, Вера преобразуется из нашей неустойчивой и полуслепой в чистую и отчетливую, и только Любовь будет вечной всегда. Зеленая птица Любви — это будущий изумруд, это наш вклад в общую сокровищницу гармонии и любви, это то вечное и неизменное, что пронизывает и объединяет все стадии развития души в мироздании. Потому апостол Павел и написал, что "любовь никогда не престанет..." (*1 Кор 13:8,13*).

Но это не все птицы нашей души. Правда, в чистых мирах к упомянутым трем добавляются серебристая птица Совести и желтая птица Вдохновения и Воли. Но в нашем тяжелом мире есть ещё три дополнительные птицы,

позволяющие скорее вырваться из грязи, подняться выше, в чистые слои мироздания. Это птицы Здоровья, Мечты и Духовного Роста. С птицей Совести, как и с птицей Веры, в нашем нынешнем мире трудновато. И у большинства людей они не серебряные, а синие[1]. По синему здесь проходит первый уровень совести — как чести и достоинства (и необязательно офицерских...). Но встречаются и серебристые птицы, причём чаще, чем золотые. Кстати, белые птицы Веры тоже есть у землян, и с начала 1990-х годов именно на них пошла заметная охота служителей Сатаны. Именно белые птицы Веры были у Александра Меня и у Игоря Талькова, злодейски убитых. Поэтому так плохо ищут и до сих пор не нашли убийц: они всего лишь исполнители, их охраняют от лишнего наказания; заказчики же — на Тонком плане...

За первой тройкой птиц — Веры, Надежды и Любви — летят четыре: по краям — голубая птица Мечты[2] и красная птица Здоровья, в центре — желтая птица Вдохновения и Воли, чуть сзади — синяя птица Чести.[3] А замыкающей летит птица Духовного роста. Все вместе они тоже образуют силуэт летящей птицы: тройка — голова и верхняя часть туловища, четверка — туловище и крылья, замыкающая птица — хвост.

---

[1] Что, вероятно, и видел Морис Метерлинк, написавший про Синюю птицу.

[2] Не потому ли и говорят: "голубая мечта"?..

[3] Порядок этих птиц виден и в обычной жизни: люди обычно жертвуют честью ради своей "голубой мечты". Люди или птицы этому причина или следствие — интересный, но, к сожалению, отдельный разговор.

Эти птицы — важный самостоятельный пласт души. Их нельзя отнести ни к сознанию, ни к чувствам, ни к сердцу. Это, как уже говорилось, частицы нашего более высокого будущего ангельского естества, которое мы взращиваем в себе и с которым только и можно войти в чистые миры — подняться на чистые уровни мироздания. Но тут — как и всегда в законе Любви, взаимная забота: мы взращиваем их своими добрыми делами, а они заботятся о нас, направляют нас на добро, заботятся о внутренней чистоте других сторон души, восстанавливают поврежденные планы сознания, сердца, тела и т.д., подсказывают верные решения, общаются на своём уровне с аналогичными планами других людей ("птицы небесные перенесут..." — как я процитировал выше Библию).

Птицы Веры летают на верхнем фиолетовом слое (220 тыс. ед.). Они специально созданы для этой части мира Иисусом Христом. Главная их задача — призыв души двигаться к Богу, к совершенствованию в гармонии и любви. В самом начале 1990-х годов россияне с неповрежденной птицей Веры были очень редки. Долго перед этим насаждавшаяся атеистическая идеология замуровывала, замораживала птиц Веры у тех, кто поддавался государственному обману. И под Кремлём в демонических слоях находился специальный подвал, где птицы Веры были зацементированы или заморожены каким-то серым составом.

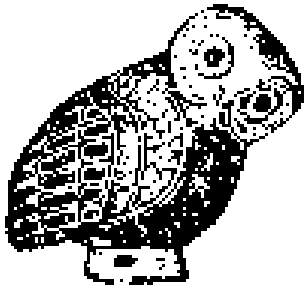
Находятся же работнички всё это сотворять... Но с конца 1990 года началось постепенное оттаивание этой структуры, и сейчас практически полностью освободилась.

Но у тех людей, которым удалось сохранить птицу Веры живой, никакая агитация не убила ощущения связи с Богом[4], хотя они могли и не до конца осознавать это. Такие люди легко входят в веру: посещая храм, открывая молитвенник или катехизис, они находят всё знакомым, понятным, но как бы позабытым. Те же, у кого эта птица нездорова, истинной веры не ощущают ("Я в Бога не верю!"), с трудом принимают религиозные идеи, обряды, молитвы. Между тем через птицу Веры мы получаем основную часть серебристого потока — одного из главных очищающих и мобилизующих. Он придает человеку ощущение постоянной бодрящей силы, готовности к действию, проходит как живая нить внутри души. В этом потоке нуждаются все люди, но у неверующих нет прямого включения в серебристые слои (там находится страна птиц Веры), и они начинают вампирить тех, кто включен. Я, например, видел, как целая семья — несколько взрослых и детей — буквально висела на верующем отце. Так что атеизм — отнюдь не безобидное явление.

(продолжение предполагается)

---

[4] К числу их относится, например, Ирина Владимировна Скворцова, чьи материалы мы публиковали. (— *Ред.*)



ТАЙНЫ, ЗАГАДКИ...

От редакции. ***Как мы уже говорили, в этой рубрике, в отличие от других журналов, мы не просто сообщаем о загадках и тайнах, но стараемся их объяснить.***

Брэд СТЕЙГЕР

ЗАГАДКИ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

(окончание)

И ещё одна иллюстрация к тому, что, на мой взгляд, является попаданием в соседний поток Времени и, соответственно, в соседнее Пространство. Мой приятель рассказывал мне, как однажды он провёл ночь в одном доме и утром проснулся от шума в холле. Выйдя из спальни, он наверху лестницы столкнулся с

призраком мужчины, одетого в курительную трубку с поясом.

Мужчина, повидимому, так же испугался, как и Билл. Мужчина продолжил подниматься по лестнице, потом, не дойдя до верха, остановился, медленно обернулся и посмотрел на Билла. На несколько секунд глаза их встретились. Потом мужчина пошел дальше, прошел сквозь стену и исчез для зрения Билла.

В этом случае, как я полагаю, Билл просто попал в соседний поток Времени — в существовавший и тогда этот же самый дом, в котором тот мужчина шел в то время спать. И мужчина тот тоже видел Билла — высокого худощавого "призрака"-мужчину с бородой и волосами до плеч...

Соответственно, как думаем мы с Джоном Килем, и НЛО-навты иногда именно поэтому спрашивают у земных людей, "What time is now?" — в смысле не "сколько сейчас времени" (как это иногда объясняют), а "какая сейчас у вас эпоха?". Что же касается вышеописанного Вардогра, то именно в этом виде меня нередко воспринимали и моя жена, и моя секретарша (запах моего трубочного табака из моего кабинета, стук пишущей машинки, скрип стула, шуршание бумаги и т.д.).

*** * ***

Современные электроэнцефалографические исследования показали, что неощущение боли

связано с умением вводить мозг в альфа-ритм, частотой примерно 10 Герц. Здесь интересно также и то, что при этом могут не повреждаться и внешние покровы человека. Всё это требует дальнейших исследований, но практика подтверждает известное — что сила мышления человека, а те более группы людей, очень влияет на его или их физическое состояние и на физическую реальность вообще. "Вы становитесь тем, каковы ваши мысли", говорил через Джейн Робертс некто Сет.[1] В этом смысле возможно, что все или многие артефакты как доказательства существования древности, или пресекавшие психорасследования Люди в Черном ("Men in Black", MIBs), или даже некоторые НЛО — не более чем порождения нашего мышления. Здесь возникает вопрос об источниках мыслей, но об этом я надеюсь сказать в другой книге. А в заключение этой книги — об интересующей всех материализации, но не так, как делает Саи Баба и другие.

В ноябрьском номере журнала "Fate" за 1967 год рассказано о том, как в мае 1945 года в холмах японского острова Окинава автор, в расположении войск противника, застрял у не имевшего одного колеса 750-килограммового самоходного орудия. Вместе с ним были и другие люди, в то время тоже военные корреспонденты, без солдат, невооруженные. Они сидели и смотрели, как к ним приближаются

---

[1] **Эта книга недавно вышла и в России. (— *Ред.*)**

неприятельские солдаты-японцы, что обещало им как янки несомненную смерть.

Но тут автор и ещё один человек увидели чудо: "На колесо самоходного орудия вдруг смонтировалась совершенно новая, надутая и готовая к движению шина." И поэтому все корреспонденты поспешили спастись на этом уже способном двигаться средстве передвижения. Загадка эта так никогда и не разъяснилась.

Но как нам использовать массу тайн и загадок, описанных в этой и других книгах?

КОНЕЦ

Анатолий РЫБАКОВ

Прах и пепел

Повесть о временах сталинизма

От редакции.

Вниманию читателей предлагается НАСТОЯЩЕЕ произведение, созданное НАСТОЯЩИМ писателем и НАСТОЯЩИМ интеллигентом, и уж кстати — настоящим москвичом. Анатолий Наумович Рыбаков известен по многим написанным им прекрасным книгам, начиная от "Кортика" и кончая "Детьми Арбата". В данном произведении продолжают действовать, наряду с другими, уже ставшие взрослыми персонажи "Детей Арбата".

Тоже москвич,
с Чистых Прудов

Продолжение.

Группа выстраивалась в шеренгу, а если помещение было тесным, то в две, впереди Семен Григорьевич, командовал:

- Начинаем с правой ноги... Шаг вперед - раз! Левой - два! Правой вправо, приставляем левую - три! Снова правой - четыре! Какая нога свободна? Левая! Начинаем с левой. Вперед - раз, два! В сторону - три, четыре! Ту же фигуру проделываем назад: правой, левой - раз, два! Вправо, влево - три, четыре! Вернулись в исходное положение.

Это движение - основа фокстрота, румбы и танго - повторилось много раз. Потом всё разучивалось под музыку, под четкие, ударные звуки фокстрота или румбы. Правой вперед - раз, два, вправо - три, четыре!.. "Фиеста, закройте двери. Фиеста, тушите свет..." Раз, два, три, четыре!.. "Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц..." Раз, два, три, четыре!.. "И в каждом пропеллере дышит спокойствие наших границ..." Раз, два, три, четыре! Убедившись, что движение освоено, Семен Григорьевич приказывал его проделать в паре.

Семен Григорьевич был весьма представителен. Плотный, даже полноватый, средних лет, с бритой актерской физиономией, пышной седеющей шевелюрой, появлялся на занятиях в неизменном темном костюме, белой рубашке с бабочкой, в блестящих лакированных

туфлях. Ходил, опираясь на черную, тоже лакированную трость с массивным круглым блестящим набалдашником. Во время урока ставил ее в дальний угол, чтобы не задели, не уронили. Голос у Семена Григорьевича был приятный, по-актерски хорошо поставленный, даже интеллигентный, говорил он весомо, значительно, во вступительном слове, как и предупреждал Глеб, ссылался на Сократа и Аристотеля, доказавших, что танцы полезны для здоровья, развивают художественный вкус и музыкальность.

Западные танцы, утверждал Семен Григорьевич, ошибочно трактуются как буржуазные, на самом деле происхождение их народное. Танго - народный танец Аргентины, румба - Мексики, медленный фокстрот танцуют обычно под музыку блюза - грустные мелодии американских негров. Семен Григорьевич просил Глеба проиграть несколько музыкальных фраз блюза и обращал внимание слушателей на их безысходную тоску. Это тоска негритянского населения США, столетиями пребывавшего в рабстве и поныне угнетаемого и унижаемого буржуазным обществом.

К Семену Григорьевичу, к его лекциям Саша относился иронически. "Жучок"!.. Таскается со своей тростью по месткомам и фабкомам, заключает договоры, мухлюет, прикрываясь своим респектабельным видом. И можно ждать чего угодно. От любого человека можно ждать чего угодно, все теперь их люди. И он,

потянувши руку за расстрел Тухачевского, разделил с ними ответственность за убийство невинных людей. Воспоминание о том митинге, об охватившем страхе угнетало его, он был себе отвратителен, пытался уверить себя, что так устроен мир, но понимал, что так устроен он сам.

Никто никому не верит, и он не верит, ни с кем не говорит о политике, даже о том, что пишут в газетах... "Да? А я не читал... Пропустил, наверно..." Он и в самом деле их почти не читал, иногда, проходя по улице, останавливался у стенда, проглядывал "Правду". Все одно и то же: победные реляции, трудовые рекорды, приветствия великому Сталину, его портреты, разоблачения шпионов, диверсантов, троцкистов, расстрелы, суды, награждение орденами работников государственной безопасности за "особые заслуги в борьбе с врагами народа". В одном из списков награжденных Саша увидел имя Шарока Юрия Денисовича, награжденного орденом Красной Звезды.

Будягин и Марк расстреляны, руководители партии, совершившие Октябрьскую революцию, герои Гражданской войны истреблены, а контрреволюционеры и антисоветчики награждаются орденами от имени той партии, которую они уничтожили, от имени власти рабочих и крестьян, которой уже нет. Чью же диктатуру осуществляет Сталин? Пролетариат бесправен. Крестьянство

превращено в крепостных, называемых колхозниками. Государственный аппарат живет в страхе. В стране диктатура Сталина, только Сталина, одного Сталина. Утверждение Ленина, что волю класса может выражать диктатор, неправильно, диктатор может выражать только собственную волю, иначе он не диктатор.

Попалась Саше на глаза статья Вадима Марасевича. Вот и Вадик печатается в "Правде", громит какой-то роман, обвиняет автора в апологетике кулака. "Хочет того автор или не хочет, - писал Вадим, - но его роман оказывает хорошую услугу международному империализму, помогает ему духовно разлагать советских людей, подрывает их веру в великое дело Ленина - Сталина". Ничего себе обвинение, тянет на 58-ю статью, это уж точно. Хорош профессорский сынок!

Все скурвились, все продались. Всеобщий страх породил всеобщую подлость, все под колпаком, всюду их глаза, их уши, всюду отделы кадров, анкеты, требуют паспорт, а там обозначено, кто ты такой.

Значит, выбор сделан правильно. Танцы! Не требуют здесь автобиографии, не надо заполнять анкет. Если держаться осторожно, можно не нарваться. Хозяйка не требует обещанного ей Глебом официального направления, забыла, наверное. Приходит Саша поздно и встает поздно, часто и вовсе не приходит, живет тихо, никто у него не бывает, за квартиру платит аккуратно, хозяйку это

устраивает. Правда, Глеб сказал, что следует зайти в Гастрольбюро к Марии Константиновне с паспортом, но как-то мельком сказал. И Саша отодвинул это от себя: не спрашивают паспорт, и ладно.

В первое же воскресенье после приезда в Уфу он позвонил маме. Голос у нее был встревоженный. Телефонистка сказала; "Ответьте Уфе".

- Сашенька, почему Уфа, что за Уфа?

- Я в Уфе с автоколонной, в командировке, пробуду месяца два-три, будем вывозить хлеб из районов, поэтому не уверен, что смогу регулярно звонить. Но буду стараться. Как всегда, по воскресеньям. Мне пиши: Уфа, Центральный почтамт, до востребования.

Но мама чувствовала что-то неладное, опять страдала и волновалась за него.

- Почему так далеко? Из Калинина в Башкирию?!

- Мама, как проводить уборочную кампанию, решаем не мы с тобой. Приказали отправить автоколонну - отправили. Нет причин для волнений.

- Зайди к брату Вериного мужа. Я тебе дала его адрес.

- Будет время, зайду.

Позвонил он маме и в следующее воскресенье, и мама вроде бы успокоилась. Но что будет с ней, если здесь или где-нибудь в другом месте, куда занесет судьба, его арестуют? В 1934 году его арестовали дома,

мама искала его по московским тюрьмам и наконец нашла. А если заберут в Уфе или еще где-нибудь, как и где она будет его искать, не будет знать, жив ли он, умер, арестован, куда ей ехать, куда бросаться, в какую тюрьму, в какую больницу, на какое кладбище... Этого мать уже не перенесет.

К родственникам Веры он не пошел. Неизвестно, как они отнесутся к его посещению: принимать у себя судимого сейчас опасно. Да и надобности нет. Он устроен, привыкает к этой жизни, спокойной и даже легкой. В Калинине, накручивая километры на своем грузовике, он жевал и пережевывал одни и те же мысли, накидывался на газеты, впадал в отчаяние, особенно унылыми одинокими вечерами. Здесь вечера праздничные - музыка, красивые девушки, глаза лучатся, забыли про начальство, парткомы, профкомы, служебную тягомотину, ловят каждое его слово.

- Правой вперед - раз! Левой вперед - два! "А Маша чай в стаканы наливает, а взор ее так много обещает..." Раз, два, три, четыре! "У самовара я и моя Маша, вприкуску чай пить будем до утра..." Стараются. И про треклятый быт не помнят, и про то, что не хватит денег до получки, забыли... Хорошая работа, люди получают удовольствие.

В каждой группе Саша выбирал способную девочку, показывал с ней движения, она становилась его ассистенткой. Одна такая девочка появилась в первой же группе, ее звали

Гуля, стройная, гибкая, лет шестнадцати, с детским личиком, нежным и доверчивым. Хорошо чувствовала такт, обладала легким шагом и сильными руками, крепко держала партнера, поворачивала его в нужную сторону, безотказно работала с самыми тупыми. "Наш девиз, - солидно говорил Семен Григорьевич, - добиться стопроцентной успеваемости. Каждый может научиться танцевать - способность к танцу заложена в человеке природой".

Саша часто ловил на себе Гулин взгляд, смущаясь, она тут же отводила глаза. Он ей нравился, в этом возрасте девочки часто влюбляются в молодых преподавателей. Однажды, танцуя с ним. Гуля, преодолевая робость, сказала:

- Хотите после занятий пойти в театр, здесь, во Дворце труда, наверху?

Наверху был зрительный зал, устраивались концерты, выступали приезжие труппы.

Гуля вынула из нагрудного карманчика два билета:

- У меня уже билеты есть.

- Спасибо, Гуленька, но сегодня после занятий совещание в Гастрольбюро, пойди с подругой.

Никакого совещания не было, но заводить роман с этой девочкой Саша не хотел.

Он вспомнил Варино приглашение на каток в "Арбатском подвальчике". Такой же наивный прием. Он думал теперь о Варе без ревности, без обиды. Все перегорело и ушло. Было в ней тогда обаяние юности, было его одиночество в

Сибири, ее приписки к маминым письмам, ни от кого он больше писем не получал, и потому ожидание свободы связывалось именно с ней, Варя была для него его Москвой, его Арбатом, его будущим. Все придумал, все сочинил. И все же рана болит, когда к ней прикасаешься. И он старался меньше вспоминать о Варе. Но однажды, разговаривая с мамой по телефону, спросил, кто у нее бывает. Он не собирался задавать этого вопроса, но ему захотелось вдруг услышать Варино имя.

- Кто бывает? - переспросила мама. - Варя заходит, иногда приезжают сестры. А что?

- Ничего, - ответил он, - просто хотелось представить себе, как ты живешь.

Значит, Варя заходит. Это сообщение обрадовало его. Хотя, если разобраться, ни о чем оно не говорило. Хотел услышать Варино имя и услышал. И точка.

(продолжение предполагается)

С другой стороны, пусть поймёт народ,
ищущий грань меж Добром и Злом:
в какой-то мере бредёт вперёд
тот, кто с виду кружит в былом.

Иосиф Бродский

Варлам ШАЛАМОВ

ОЧЕРКИ ПРЕСТУПНОГО МИРА

Жульническая кровь

(продолжение)

Мы плохо и неверно разбираемся в разнице между ворами и хулиганами. Слов нет, обе эти социальные группы антиобщественны, обе враждебны обществу. Но взвесить истинную опасность каждой группы, оценить её по достоинству мы способны крайне редко. Бесспорно, что мы больше боимся хулигана, чем вора. В быту мы общаемся с ворами очень редко, всякий раз эти встречи происходят либо

в отделении милиции, либо в уголовном розыске, где мы выступаем в роли потерпевших или свидетелей. Гораздо грознее хулиган — пьяное страшилище, возникающее на бульваре, или в клубе, или в коридоре коммунальной квартиры. Традиционность русского молодечества — пьянки и "храмовые" праздники, пьяные драки, приставания к женщинам, грязная ругань — всё это хорошо нам известно и кажется нам гораздо страшнее того таинственного воровского мира, о котором мы имеем — по вине художественной литературы — крайне смутное понятие. Подлинную цену хулиганов и воров знают только работники уголовного розыска; но из примеров творчества Льва Шейнина можно видеть, что знание не всегдла используется правильным образом.

Мы не знаем, что такое вор, что такое уркаган, что такое блатарь, вор-рецидивист. Укравшегно бельё с веревки на даче и напившегося тут же в станционном буфете мы считаем видным "скокарем".

Мы не догадываемся, что человек может воровать, не будучи вором, членом преступного мира. Мы не понимаем, что человек может убивать и воровать — и не быть блатарём.[1] Конечно, блатарь ворует. Он этим живёт. Но не всякий вор — блатарь, и понять эту разницу совершенно необходимо.[2] Преступный мир

---

[1] Скажу как эзотерик: это очень важное замечание, и в частности, ответ на вопрос, как же это индусский Миларепа считается у них святым, если он зарезал всю семью своего дяди? (— *Ред.*)

[2] Да! И прежде всего — претендующим на звание эзотерика. (— *Ред.*)

существует рядом с чужими кражами, рядом с хулиганами.

Правда, для потерпевшего всё равно, кто украл у него из квартиры серебряные ложки или костюм — вор-блатарь, вор-профессионал, но не блатарь, или квартирный сосед, никогда кражами не занимавшийся. Пусть, дескать, в этом разбирается уголовный розыск.

Хулиганов мы боимся больше, чем воров. Ясно, что никакие народные дружины не справятся с ворами, о которых мы, к сожалению, имеем совершенно превратное понятие. Подчас думают, что где-то в глубоком подполье, под чужими именами скрываются и живут таинственные блатари, и они грабят только магазины и кассы. Белья с верёвки они не унесут, этим "благородным жуликам" обыватель рад даже помочь: он иногда прячет их от милиции — то ли из романтических побуждений, то ли "за боюсь" — из страха, что чаще.

Хулиган вроде бы страшнее. Хулиган ежедневен, общедоступен, близок. Он страшен. Спасения от него и ищем мы в милиции и в народных дружинах.

Между тем хулиган — всякий хулиган — стоит ещё на грани человеческого. Вор-блатарь стоит вне человеческой морали.

Любой убийца, любой хулиган — ничто по сравнению с вором. Вор тоже убийца и хулиган — и плюс ещё нечто такое, чему почти нет имени на человеческом языке.

Работники мест заключения или уголовного розыска не очень любят делиться своими важными воспоминаниями. У нас есть тысячи дешёвых детективов, романов, но у нас нет ни одной серьёзной и добросовестной книги о преступном мире, написанной работником, чьей обязанностью была борьба с этим миром.

Это ведь постоянная социальная группа, которую правильнее было бы назвать антисоциальной. Она вносит отраву в жизнь наших детей, она борется с нашим обществом и одерживает подчас успехи потому, что к ней относятся с доверием и наивностью, а она борется с обществом совсем другим оружием — подлостью, ложью, коварством, обманом — и живёт, обманывая одного начальника за другим. И чем выше по чину начальник, тем легче его обмануть.

Сами блатари относятся к хулиганам резко отрицательно. "Да это не вор, это просто хулиган", "это хулиганский поступок, недостойный вора" — такие фразы непередаваемой фонетики в ходу среди преступного мира. Эти примеры воровского ханжества встречаются на каждом шагу. Блатарь хочет отделить себя от хулиганов, стремится поставить себя гораздо выше и настойчиво требует, чтобы обыватели различали воров и хулиганов.

В этом направлении ведется и воспитание молодого блатаря. Вор не должен быть хулиганом, образ "вора-джентльмена" — это и

свидетельство прослушанных "р<u>О</u>манов", и официальный символ веры блатарей. Есть в этом образе "вора-джентльмена" и некая тоска души блатаря по недостижимому идеалу. Поэтому-то "изящество", "светскость" манер — в большой цене среди воровского подполья. Именно оттуда в блатарский лексикон попали и закрепились там слова: "преступный мир", "вращался", "он с ним кушает" — всё это звучит и не высокопарно, не иронически. Это — термины определенного значения, ходовые выражения языка.

В воровских "сурах" говорится, что вор не должен быть хулиганом.

Скромно одетый, с букетом в петлице,
В сером английском пальто,
Ровно в семь тридцать покинул столицу,
Даже не глянул в окно.

Это — классический идеал, классический портрет медвежатника-блатаря, "вора-джентльмена", Каскарильи из кинофильма "Процесс о трёх миллионах".

Хулиганство — это слишком невинное, слишком целомудренное дело для вора. Вор развлекается по-другому. Убить кого-нибудь, распороть ему брюхо, выпустить кишки и кишками этими удавить другую жертву — вот это по-воровски; и такие случаи были. Бригадиров в лагерях убивали немало, но перепилить шею живого человека поперечной

двуручной пилой — на такую мрачную изобретательность мог быть способен только блатарский, не человеческий мозг.

Самое мерзкое хулиганство выглядит — по сравнению с рядовым развлечением блатаря — невинной детской шуткой.

Блатари могут гулять и пить, и хулиганить где-нибудь в своём "кодле", в "шалмане" — гулять без дебоша, показывая пределы своей удали только своим же товарищам и благоговеющим неофитам, чьё приобщение к воровскому "ордену" — вопрос дней.

Хулиганство, случайное воровство — это периферия блатного мира, это та пограничная область, где общество встречается со своим антиподом.

Вербовка молодых или новых воров редко идёт из хулиганской среды. Разве что хулиган бросает свои дебоши и, запятнанный тюрьмой, переходит в ряды блатного мира, где он большой роли в идеологии, в формировании законов этого мира никогда играть не будет.

Кадровые воры — это потомственные воры или те, кто с мальчиков прошёл весь курс уголовной науки, бегал за водкой, за папиросами для старших, стоял на страже, лазал в форточку, чтобы отпереть дверь грабителям, укреплял свой дух в тюрьме, и потом уже пошел на дело самостоятельно.

Блатной мир враждебен власти, и притом всякой власти. Это блатари — "мыслящие" блатари — понимают хорошо.

Блатной мир — мир настоящего, реального настоящего. "Воровьё" превосходно понимает, что какой-нибудь легендарный Горбачевский, попавший в песню, не больший герой, чем Ванька-Чибис с соседнего прииска.

Гром прогремел,
Что Горбачевский прогорел.

*** * ***

Никакая "заграница" не прельщает умудренных опытом блатарей. Те воры, которые побывали там в войну, не хвалят заграницу, и особенно Германию — из-за чрезвычайных строгостей наказания за кражи и убийства. Немного легче дышать ворью во Франции, но и там перековочные теории не имеют успеха и ворам приходится туго. Относительно благоприятными блатарям кажутся наши условия, где так много далеко идущего доверия и неистребимых, многократных "перековок".

(продолжение предполагается)

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ*

Бруно ЯСЕНСКИЙ

НОС

Автор(ы) произведения: Бруно ЯСЕНСКИЙ
Название произведения: Нос
Жанр, время, место создания: Повесть; 1936 г.
Ист. получения произведения: Бруно Ясенский
Избранные произведения в двух томах. Том первый. Государственное издательство Художественной Литературы, Москва, 1957 г.
Оформление художника Е. РАКУЗИНА
Редактор К. Платонова
Художественный редактор Ю. Боярский
Технический редактор В. Овсеенко
Корректор Р. Гольденберг
Автор(ы) (OCR) файла: Виктор Кузьмин
Редактор(ы) файла: Виктор Кузьмин
Название (кодировка) файла: yasn02W.doc
Дата (номер) редакции файла: May. 2001
Источник получения файла: viktor_irbis@mailru.com
Из коллекции Вадима Ершова: http://lib.ru/~vgershov/
Текст подготовил Ершов В. Г. Дата последней редакции: 17.05.2001
Сканировано по изданию: Бруно Ясенский, ИЗБРАННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ В ДВУХ ТОМАХ. ТОМ I
Повесть написана в 1935 - 1936 годах. Впервые опубликована в газете "Известия", №№ 36, 37, 38 и 41 от 11, 12, 14 и 17 февраля 1936 года.
Печатается по тексту книги: Бруно Ясенский. "Нос". Повесть. Изд. "Советский писатель", М. 1936.
Сдано в набор 31/VII 1957 г Подписано к печати 13/IX 1957 г. А-06962. Бумага 60 X 92 1/16 - 27 печ. л. 27,12 уч-изд. л. + 1 вкл. = 27,17 л. Тираж 150 000 экз. Заказ № 741. Цена 9 р. 70 к. Гослитиздат Москва, Б-66, Ново-Басманная, 19.
Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности, 2-я типография "Печатный Двор" имени А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26
OCR В. Кузьмин. May. 2001. Проект "Старая фантастика" http:/sf.nm.ru

* * *

Продолжение.

Придя в себя, он сообразил, что сидит на скамейке. Перед ним стоял Теодор фон-дер-Пфордтен и, жестикулируя, видимо, давно уже убеждал его в чем-то весьма настоятельно:

- ...Я веду всё это к тому, что во имя той капли германской крови, которая течет в ваших жилах, вы должны решиться без колебания. Вспомните ваши собственные великолепные слова о необходимости освободить германский народ от неполноценных элементов! Не вы ли писали о героях великой войны-инвалидах, что люди, во имя защиты родины показавшие однажды мужество и презрение к смерти, должны проявить его вторично, лишив себя жизни, чтобы перестать быть бременем для Третьей империи?

- Нет, это не я писал, уверяю вас! Это Эрнст Манн! - пытался возразить профессор.

- Тем лучше. Я рад, что эти блестящие слова исходят от чистокровного немца. Но ведь в дискуссии о неполноценных вы целиком солидаризировались с Эрнстом Манном, с профессором Ленцем и другими истинными германцами. Вы даже не раз отстаивали публично их точку зрения. Разве это не так?

- Да, это так... - удрученно подтвердил Калленбрук.

- Вот видите! Представьте, как обрадуются и какой вой поднимут враги национал-социалистической Германии, узнав, что один из виднейших теоретиков и идеологов расизма оказался евреем. Вы понимаете сами, вы должны исчезнуть, и исчезнуть возможно без шума, пока все это дело не стало еще достоянием гласности. Я мог бы вам одолжить свой револьвер, но слишком откровенное самоубийство наши враги не преминули бы тоже использовать для новых нападок на Третью империю. Разумнее всего, если вы сумеете придать вашей смерти безобидную окраску несчастного случая. Я рекомендовал бы вам кинуться под поезд или утопиться в Шпрее. Всем известно ваше пристрастие к рыбной ловле, и это не вызовет особых подозрений.

- Но моя жена, мои дети! - в отчаянии простонал профессор.

- О, мы не оставим их, можете быть покойны. Детей ваших через некоторое время мы переведем во вспомогательные школы...

- Во вспомогательные школы? Но ведь там стерилизуют! - взмолился Калленбрук.

- Вы понимаете сами, мы не можем допустить дальнейшего засорения германской расы элементами еврейского происхождения. В вашей последней книге вы очень правильно

подошли к этому вопросу... Что же касается вашей жены, она как безупречная немка и женщина относительно молодая сможет еще дать Германии не одного бравого арийского потомка. После вашей смерти мы подыщем ей достойного мужчину. Кстати, господин регирунгсрат Освальд фон Вильдау, великолепный экземпляр чистокровного германца, всегда, кажется, дарил ее своим вниманием.

- Освальд фон Вильдау! - возмутился профессор. - Но ведь он женат!

- Какие пустяки! - пожал плечами фон-дер-Пфордтен. - И кто это говорит? Профессор Калленбрук! Не вы ли сами неопровержимо доказали в своей последней книге, что в интересах чистоты расы круг производителей должен быть ограничен небольшим количеством избранных мужчин?

- Нет, клянусь вам, это не я писал! Вы путаете! Это Миттгард!

- Великолепно. Но вы цитировали его в своей книге. Разве вы не ссылаетесь в ней неоднократно на его "Путь к обновлению германской расы"?

Профессор смиренно поник головой.

Скорчившись, он сидел на скамейке, словно весь ушел в воротник пальто. Оспаривать собственные аргументы не имело никакого смысла. К тому же после всего, что случилось, от Теодора фон-дер-Пфордтена все равно ему не уйти...

Тогда, как последний луч надежды, в голове Калленбрука опять промелькнула странная мысль: "А что, если фон-дер-Пфордтен действительно был убит в битве у Фельдгернгалле?.." Профессору показалось даже, что он припоминает какой-то некролог в какой-то гнусной оппозиционной газетке:

"Член судебной палаты господин Теодор фон-дер-Пфордтен, автор знаменитой национал-социалистической конституции (на основании которой треть населения Германии объявлялась вне закона и убивать ее разрешалось каждому встречному!), погиб - о, ирония судьбы! - от руки блюстителя порядка: убит во время пивного путча шальной полицейской пулей, не дождавшись проведения в жизнь своей кровожадной конституции..."

Профессор Калленбрук с усилием напрягал память. Кажется ему это или это было в действительности? Он не слушал уже, что говорил фон-дер-Пфордтен, не переставший апеллировать к его капле германской крови.

Профессор решил выждать и ошарашить противника неожиданным вопросом. Если

Пфордтен смутится, значит, он действительно умер, и тогда его свидетельство и его широкие связи не так уж опасны.

- Я сказал вам, кажется, все, что обязан был сказать, - натягивая перчатки, поклонился фон-дер-Пфордтен. - Извините, что не пожму на прощание вашу руку. Вы сами понимаете, это противоречило бы моим убеждениям. Послушайтесь моего дружеского совета и сделайте это сегодня же вечером, и чем скорее, тем лучше. Должен вас предупредить: в случае, если у вас не хватит мужества умереть самому, партия вынуждена будет вам в этом помочь...

- Вам легко об этом говорить, - в последней попытке самозащиты, не спуская глаз с Пфордтена, выпалил Калленбрук. - Если не ошибаюсь, вам лично уже помог в этом однажды некий полицейский. Вы ведь давно умерли, господин фон-дер-Пфордтен!

Калленбрук подался вперед в ожидании эффекта удара.

- Истинные национал-социалисты не умирают, - уклончиво ответил фон-дер-Пфордтен, приподымая котелок. Он повернулся и медленно исчез в глубине полутемной аллеи, оставив обуреваемого сомнениями Калленбрука в прежней мучительной неуверенности.

* * *

Оставшись один, профессор Калленбрук долго сидел, погруженный в горькое раздумье. "В конце концов партия за мои заслуги могла бы сделать для меня исключение... - сказал он себе после противоречивых размышлений. - Может быть, мне следовало бы добиться аудиенции у вождя? Разве бессмертный Заратустра национал-социализма Фридрих Ницше не происходил из польской семьи Нецких? Польское происхождение, если разобраться, не намного лучше еврейского. Прибавить к польскому происхождению Ницше его ярко выраженную шизофрению, и шансы станут почти равными... О боже! - встрепенулся профессор. - Я даже думать стал, как еврей! Разве раньше я осмелился бы когда-либо так подумать о нашем великом учителе? Нет, фон-дер-Пфордтен прав! Наследственный яд еврейства уже отравил мою германскую душу. Я больше не хозяин своим мыслям. Нет для меня спасения! Если я не покончу с собой, они все равно сделают это за меня..."

С тяжелым вздохом он поднялся со скамейки и, сутулясь, поплелся вон из сада по направлению к Шпрее. Однако ноги по старой привычке привели его к пивной Левенброй. Большие часы на углу показывали семь. Да, это было как раз обычное время, когда завсегдатаи круглого стола в пивной Левенброй, члены-основатели Общества борьбы за чистоту германской расы, собирались за кружкой-другой

потолковать о высоких материях и обсудить текущие вопросы движения.

Не дальше как вчера он сидел здесь в своем уютном кресле, имея по левую руку профессора Себастьяна Мюллера, по правую - бравого доктора Фабрициуса Гиммельштока, редактора "Германского медицинского еженедельника" и автора нашумевшего "Евгенического исследования состава семей всей прусской полиции", - сидел и спокойно обсуждал вместе с ними экстренные меры выправления катастрофической статистики, согласно которой семьи прусских полицейских размножаются в три раза медленнее, чем семьи простых рабочих.

При виде вывески "Левенброй" профессора Калленбрука захлестнул рой навязчивых воспоминаний, вызывая на его глазах слезы умиления. Его непреодолимо потянуло еще раз, хотя бы через витрину, бросить прощальный взгляд внутрь знакомой пивной, на коллег, сидящих за столом. Да, они сидели там, как обычно, вокруг своего любимого стола с неизменной дощечкой "занято". Профессор с волнением увидел свое пустующее кресло. Зная врожденную аккуратность Калленбрука, они, должно быть, теряются сейчас в догадках, что могло ему помешать быть в эту минуту среди них.

Все почти были в сборе. Не хватало лишь его да бравого доктора Гиммельштока, задержавшегося, очевидно, в своей редакции. В

больших граненых кружках золотела янтарная влага. Бедный профессор явственно ощутил во рту ее горьковатый привкус и провел языком по губам.

Господин юстицрат Нольдтке держал в руках пухлую неразрезанную книгу и, ударяя по ней ладонью, доказывал что-то круглолицему профессору Мюллеру с пасторальным венчиком седых волос, всклокоченных вокруг лысины. Профессор Калленбрук привстал на цыпочки и прильнул к стеклу, желая разглядеть название книги. Прикосновение холодного стекла вернуло его мгновенно из сферы умильных грез в мрачную действительность.

- Вы что тут делаете? - раздался за его спиной знакомый голос. Профессор Калленбрук обернулся. Перед ним стоял бравый доктор Гиммельшток, как всегда одетый с иголочки, в новой фетровой шляпе, чуть сдвинутой на затылок.

- Ослепли? - указывал он палкой на надпись в витрине: "Евреям вход воспрещен". - Кажется, ясно?

- ...Вы... не узнаете меня? - растерянно пролепетал Калленбрук.

- У меня нет и не может быть знакомых среди представителей вашей расы! - с достоинством

смерил его взглядом Гиммельшток. - Проходите и не портите нам вида на улицу!

Он отстранил Калленбрука палкой и исчез в дверях пивной.

Профессор Калленбрук отшатнулся, задев одного из прохожих. Тот оттолкнул его с такой силой, что бедный ученый растянулся во весь рост под одобрительный хохот зевак. От удара о тротуар у профессора выскочила искусственная челюсть. Он пополз было за ней на четвереньках, но кто-то предусмотрительно толкнул ее ногой на середину улицы, под проезжающие автомобили.

Профессор Калленбрук подумал, что утопиться можно и без челюсти, и, встав на ноги, торопливо свернул в первую узкую улочку. Стараясь пробираться незамеченным, после нескольких минут ходьбы он спустился к Шпрее.

На черной поверхности реки плавали жирные блики фонарей. Профессор остановился на мосту. Внизу чавкала вода, проделывая явственные глотательные движения. Волны столпились вокруг быков моста, словно дожидались здесь профессора Калленбрука, и, не стесняясь его присутствием, уже смаковали его несколько полное, хорошо сохранившееся для своего возраста пятидесятилетнее тело.

Такое грубое равнодушие к человеческим переживаниям показалось профессору

оскорбительным. Он торопливо прошел мост, решив покончить с собой где-нибудь в другом месте.

Он спустился на набережную и долго шел вдоль реки, время от времени останавливаясь и высматривая подходящее местечко. Река забегала вперед и, смачно облизываясь, поджидала его на каждом повороте.

После длительных поисков он облюбовал себе, наконец, укромный уголок - настоящую пристань самоубийцы, когда до его ушей долетел топот шагающих ног и звуки хоровой песни. Это была его любимая песня - песня Хорста Весселя[1], неоднократно исполнявшаяся в пивной Левенброй с неизменным успехом и не без участия профессора Калленбрука. Он мысленно пропел первые строки.

Вдруг он заметил, что пустынная до сих пор набережная стала быстро оживляться. По тротуарам и по мостовой врассыпную бежали люди. С шумом захлопывались окна и ворота домов.

Песня Хорста Весселя слышалась все ближе. Профессор Калленбрук неожиданно очутился среди бегущих людей. Кто-то крикнул ему в ухо по-еврейски:

- Чего стоишь? Беги!

---

[1] — на базе которой практически без изменений была написана известная советская песня 30-х годов про авиацию: "Всё выше, и выше, и выше \\ Стремим мы полёт наших птиц, \\ И в каждом пропеллере слышен\\ ... и так далее. (— *Ред.*)

Профессор хотел было обидеться, что его принимают за еврея, но не успел. Охваченный паническим ужасом, он, не размышляя, пустился во весь мах вслед за другими.

Количество бегущих таяло, растворяясь в переулках и подворотнях. Профессор Калленбрук не знал, куда ему свернуть, не знал даже точно, где он находится. Измученный одышкой, он прислонился к фонарному столбу, жадно хватая ртом воздух.

- Беги! - крикнул промчавшийся мимо мужчина.

Профессор послушно пробежал еще несколько шагов и, наконец, без сил опустился на край тротуара.

Мужчина, опередивший его, остановился в нерешительности, потом вернулся и, взвалив к себе на плечи Калленбрука, побежал дальше.

Они свернули в какой-то узенький переулочек, и мужчина с Калленбруком на спине нырнул в большие темные ворота, пропахшие чесноком и кошками.

Во втором дворе, на черной лестнице, он посадил Калленбрука на ступеньки. Оба дышали долго и часто, вслушиваясь в нарастающие звуки хоровой песни Хорста Весселя, любившего стихи, вино и девочек.

Песня прогремела мимо под трещотки свистков и звон битых стекол и постепенно стала удаляться.

- Пойдем, - шепнул мужчина. Он поднялся, поманив за собой Калленбрука. Они вскарабкались по узкой крутой лестнице на четвертый этаж. Профессор взбирался с трудом. Со студенческих времен ему не приходилось так много бегать.

Пройдя темный коридор, мужчина постучал в одну из дверей. Дверь открыли не сразу. Люди за дверью долго выспрашивали по-еврейски пришедшего. Наконец, скрипнул засов...

(продолжение предполагается)

Татьяна ТОЛСТАЯ

Кысь

Copyright: Татьяна Никитична Толстая
Email: ttolstaya@hotmail.com
WWW: http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tolstaya/
Толстая Т.Н., "Кысь". — Роман. — М., "Подкова"; "Иностранка", 2000. — 384 стр.
ISBN 5-8951701243 (Издательский Дом "Подкова")
ISBN 5-94145-001-X (Издательство "Иностранка")
УДК 300.36 ББК 15.56 йТ.

Содержание:

Аз
Буки
Веди
Глаголь
Добро
Есть
Живете
Зело
Иже
И краткое
И десятиричное
Како
Люди
Мыслете
Наш
Он
Покой
Рцы
Слово
Твердо
Ук
Ферт
Хер
Ща
Ци
Червь
Ша
Ер
Иры
Ерь
Ять
Фита
Ижица

Продолжение. Начало в № 10.

Ах, позавидовал Бенедикт Никите Иванычу! Вечером, после работы, добравшись до дому, он как всегда, волнуясь, проверил печь, и, как назло, как уж часто бывало, печь погасла. На часок бы раньше прийти, оно, может, и ничего бы, еще какая-то жизнь теплилась бы в угольках, еще можно бы, пожалуй, на колени встав и вывернув шею, как если бы молясь, дуть, дуть, - выдуть живой огонек из сизых, засыпающих деревяшечек. Да, часом раньше, - еще можно бы. Да рабочий день длинен, да пока на работу доберешься, да с работы бегом бежишь, - как нарочно, словно кто рассчитал, чтоб тебе не
поспеть к сроку! Суп-то, конечно, еще не простыл, если горшок тряпками замотан был как надо; похлебать можно, но вкус у него грустный, вечерний; ешь наощупь, в темноте, - ведь и свечу разжечь нечем, и жалко себя, так жалко! Изба тоже еще не простыла, можно спать завалиться: в зипуне, в шапке; это только ночью подмерзать начнет: поползет зима в худые щели, в пазы, будет задувать под порог, дышать холодом из подполья. А утром в избе смерть, да и только.

Нет, так долго не протянешь, надо либо к истопникам идти огня просить, - готовь сурпризы, голубчик, - либо к семейным соседям стучать, побираться, ежели не очень злые. У семейных жизнь легче: пока хозяин работает, баба дома сидит, по хозяйству поворачивается, за печью досматривает. Варит. Печет. Мусор

метет. Прядет, может. Да только не будешь же изо дня в день попрошайничать, эдак никакого терпения у соседушек не хватит: дадут в лоб оглоблей. А не то, может, они спать завалились, а не то лаются промеж собой, как у семейных принято, али дерутся, в волосья вцепившись, а тут ты: нате вам, - не пожалуете ли угольков, добрые голубчики?

А вот Никите Иванычу, стало быть, ни семья, ни баба, ни соседи не надобны, и печь хоть сто раз погасни, - ему все равно. Пыхнул, - и разжег. Он, стало быть, и закурит когда хочет, хоть он в лесу, хоть в поле, хоть где, - огонек с собой. Пожелает - костерок запалит, сядет к огню, подбрасывая сухой бурелом, веточки, дрянь лесную, опадыши чащобные; станет глядеть в красно-желтое, живое, шевелящееся, теплое, пляшущее. Ни просить не надо, ни кланяться, ни челом бить, ни пугаться, - ничего. Свобода! Вот бы Бенедикту так! Вот бы так!..

Он еще раз, в кромешной тьме, ощупал горшок с теплым супом, пошарил руками в окрестностях: где ложица? А черт ее знает, сунул куда-то и забыл. Опять через край хлебать? Да сколько же можно, ведь он не козляк?..

Выбрался на крыльцо. Господи! Какая тьма. На север, на юг, на закат, на восход - тьма, тьма без края, без границ, и во тьме, кусками мрака, - чужие избы как колоды, как камни, как черные дыры в черной черноте, как провалы в никуда, в морозное безмолвие, в ночь, в забвение, в

смерть, как долгое падение в колодец, вот как во сне бывает, - падаешь и падаешь, и нетути дна, и сердце становится все меньше да меньше, все жальче да туже. Господи!..

А над головой - небо, тоже чернее черного, а по небу, узором, голубоватые пятнышки звезд, то гуще, то слабее, словно бы дышат, пошевеливаются, словно бы тоже задыхаются, ежатся, хотят оторваться, а не могут, намертво приколочены к черной небесной крышке, накрепко прибиты, не сдвинутся. Прямо над головой у Бенедикта, всегда над головой, куда ни

отойди, - и Корыто, и Миска, и пучок Северных Хвощей, и ярко-белый Пупок, и россыпь Ноготков, и мутно, тесно, густо сбитое, полосой через весь ночной небосвод Веретено, - всё тут, всегда, сколько себя помнишь. Родись, умри,

встань, ляг, пляши на соседской свадьбе, или поутру, на малиновом суровом восходе проснись как от удара палкой, испуганный, как если бы ты один остался живой на свете, - они все тут, всегда тут, бледно мигающие, подслеповатые, вечные, молчаливые.

За спиной - остывающая изба. Щи. Лежанка. На лежанке - тряпье: валяное одеяльце, что от матушки осталось, летний зипун, - ноги укрывать; подушка перьевая, замусоленная. У окна должен быть стол, у стола тубаретка, на столе расщепа с сальной свечкой, да в чулане свечей запас, да ржави с полпуда, да в загашнике, от воров припрятаны, валенки

запасные, да вязаные носки, да лапти на весну, да каменный ножик, да сушеных грибышей связка, да котелок с ручкой. Утром были, во всяком случае. Живи не хочу. Все есть. А все чего-то неможется. Все чего-то свербит, свербит.

...Али богатства алчу? ...Али свободы? ...Али помереть боюся? ...Али куда уйти хочу? ...Али вознесся дерзостью до высот своеволия, мыслю себя мурзой, а не то каким властелином неудобосказуемым, агромадным, волшебным, всевластным, главным-преглавным, голубчиков потаптывающим, во тереме обретающимся, руками пошевеливающим, главой помавающим?.. А как Федор Кузьмич-то, слава ему, в сени взошел и все повалилися... А как Никита-то Иваныч огнем хыхнул...

А ничего старик не боится, никто ему не надобен, - ни мурза, ни соседи. Потому такая сила ему дана, такое Последствие завидное: огонь у него внутрях вырабатывается. Да он захочет, - всю слободу спалит, — да чего: весь городок,
все леса вокруг, весь блин земной! Потому, знать, и начальство его стороной обходит, не придирается, как к нам, простым голубчикам; его же сила, и слава, и власть земная!.. Ох-ти, охтеньки, а нам, малым да сирым, в ночи на крыльце стоять, вдыхать морозную тьму, выдыхать тьму чуть теплую, переступать с ноги на ногу, задирать личико к далекому небесному Веретену, слушать, как слезы мороженым горошком шуршат, скатываются в заросли

бороды, слушать, как молчат черные избы на черных пригорках, как поскрипывают высокие деревья, как ноет метельный ветер, как доносит порывами, - чуть слышно, но явственно, - далекий, жалобный, северный голодный вой.

(продолжение предполагается)

Мих. БУЯНОВ,
психиатр

СУСЛОВА, ДОСТОЕВСКИЙ, РОЗАНОВ[1]

В 1956-58 годах я заинтересовался психологией и судьбой Достоевского. Он загадочная фигура, как таинственна и бездонна человеческая природа вообще.

Этот странный человек, автор "Игрока" и сам картежник, так истово призывавший к христианскому миросозерцанию, был средоточием пороков и эгоистических страстей. Все преступления, все мерзости, подлости и низости, которые совершают персонажи Достоевского, всё это Достоевский совершал на самом деле или говорил, что совершал. Извращённый, изломанный, переполненный чудовищным комплексом неполноценности, этот гений был готов на любую антиобщественную выходку, которую заранее трудно было предсказать. Всё это не имеет прямого отношения к его эпилепсии: эпилептиков на земле миллионы, а второго

---

[1] **Повествование о шлифовке творческой личности для её более эффективной работы в посмертности, при помощи земного "маленького тирана", как таких называл дон Хуан, да ещё с "крокодилом", по А. Подводному. (— *Ред*.)**

Достоевского среди них почему-то нет, да и эпилепсия у него была особая, поэтому нечего всё сваливать на эту болезнь.

1860-е годы в жизни Достоевского — это годы мучительных поисков себя, обретения темы и стиля. 60-е годы — это безудержная картежная игра, разврат и издевательства над окружающими. Пить Достоевский не мог — эпилепсия не позволяла, иначе бы из него получился отпетый алкоголик почище поэта Аполлона Григорьева. Поэтому его извращенные страсти находили выход в картах. Объехав все игорные дома Европы, везде проигрывая и от этого злобствуя — заодно злоба автоматически переносилась на народы, населяющие эти страны (особенно Достоевский ненавидел немцев и французов — те его чаще всего и обыгрывали) — Достоевский видел в игре процесс, а не результат. Неважно, проиграл или выиграл, — главное, сама игра. Если бы этот человек не проигрывал бы целые состояния, которых у него, кстати, и не было, то он бы не влез в такие чудовищные долги, из которых он выбрался лишь незадолго до смерти, да и то благодаря титаническому труду фанатично преданной ему жены Анны Григорьевны Сниткиной, на которой он женился после того, как за 26 дней продиктовал ей "Игрока". Достоевский сам был виновен в своей картежной страсти: ни капитализм, ни

нигилисты, ни Европа, ни Россия к этому отношения не имели.

60-е годы — это также и любовь Достоевского к Аполлинарии Прокофьевне Сусловой (1840-1918), женщине поразительной как по способности издеваться над одаренными людьми, так и по степени её чудовищно-садистического эгоизма. Суслова — феномен, безусловно, патологический. Это ярко выраженная истерическая психопатка, которая могла быть убедительнейшей иллюстрацией к любой книге об извращениях характера.

Красота, о которой сам Достоевский сказал, что она спасёт мир, — явление гармоничное, а гармония подразумевает единство. Но ни единства, ни тем более гармонии не было в отношениях 23-летней Сусловой и 42-летнего Достоевского. Повидимому, в 23-летнем возрасте Суслова — к тому времени начинающая писательница — отдалась Достоевскому. В дальнейшем их отношения стали мучительно противоречивыми, она ненавидела его. Как мужчина он был ей противен — во всяком случае, так Суслова объясняла своё раздражительное отношение к Достоевскому. Жаждущая беспредельного признания, эмоционально холодная, расчетливая, презиравшая жалость и милосердие, эта психопатка, побывав в руках Достоевского, стала ещё более извращенной. Вкусив славу общения с великим писателем, она

принялась мстить ему как мужчине, а затем стала мстить всему человечеству за свою неудавшуюся жизнь, за печальные переживания, которые вызвал у неё, как она утверждала, Достоевский. Суслова сыграла в истории России в полном смысле слова чудовищную роль. Женщина с исковерканной психикой, она будто задалась целью измучить максимум людей и наплевать в душу как можно большему числу своих знакомцев.

Суслова родилась на Волге в семье крестьянина, вскоре разбогатевшего и переселившегося в Петербург. Она получила неплохое образование, — впрочем, поверхностное и одностороннее. Её сестра Надежда была чуть ли не первой в России женщиной-врачом.

Аполлинария с детства отличалась неудержимой капризностью, кокетством, чувством неполноценности. Как все истерические психопатки, она страдала извращением полового влечения. Никого не любя, а испытывая лишь неглубокую чувственность без оргазма и благодарности к партнеру, она, говоря словами дочери Достоевского, "служа Венере, переходила из рук в руки, от одного студента к другому". Может, так она мстила Достоевскому за то, что он был намного старше неё? Впрочем, она бы придумала, за что мстить — лишь бы мучать и мстить, а за что — неважно.

С Достоевским Суслова была знакома около 3-4 лет, близость же их длилась в общей сложности несколько месяцев: недолго при первом знакомстве и около двух месяцев во время совместного путешествия в Италию и Германию в 1863 году. Для Сусловой любить — это ненавидеть и всячески показывать свою ненависть. Чтобы больнее уколоть любимого человека, Суслова шла на всё и главным образом на то, что самым наглым образом изменяла любимому. Пока Достоевский плыл с ней в Италию, она ему ни разу не отдалась, но зато, по крайней мере, кокетливо завлекала всех молодых мужчин, которые плыли на корабле, и в первую очередь матросов, к которым самовлюбленный дворянин Достоевский относился с презрением. Стоило Достоевскому потерять бдительность, как Суслова немедленно оказывалась в объятиях какого-нибудь проходимца. В этом она регулярно исповедовалась Достоевскому, чтобы ещё больше заставлять его страдать. Суслова явилась прототипом Полины в "Игроке" и многих других истеричных героинь Достоевского.

В 1923 году были опубликованы дневники Сусловой, касающиеся периода её близости с Достоевским. Они лишь подтверждают диагноз истерической психопатии у их автора. Импульсивность, неустойчивость, непредсказуемость поступков сочетаются с

расчетливостью, неэмоциональностью, каким-то шахматным, бухгалтерским подходом к Достоевскому. "Я его не хотела бы убить, но мне бы хотелось его очень долго мучить", заявила Суслова по адресу одного из своих недолгих возлюбленных. Тех, кто на следующий день её бросал, она помнила. Тех же, кто готов был за неё отдать жизнь, изводила и сама бросала в самой циничной форме — вот какая была женщина. И Достоевского, и многих других она терзала, — долго, упорно, сладострастно. Как бледны перед Сусловой и Достоевским герои Захер-Мазоха с их культом сладострастного мучительства! Живые, реальные люди — Суслова, Достоевский — куда интересней выдуманных персонажей венского литератора.

В жизни Достоевского часты были повторения ситуаций. Первая его жена была тяжелой истеричкой. Дабы насолить Достоевскому, она взяла себе в любовники юного учителя Вергунова — полную безликость, не имевшего даже недостатков. Достоевскому пришлось на коленях просить свою будущую жену, чтобы та оставила Вергунова. Та милостиво согласилась.

С Сусловой ситуация повторилась. Он много лет уговаривал Суслову выйти за него — она всегда отказывала ему, и чем больше он мучался, тем больше радовалась. О всех своих любовниках Суслова ставила Достоевского в известность. Одним из них был студент-медик из Южной Америки по имени Сальвадор. Тот

позабавился Сусловой и через несколько дней её бросил. Отыгрывалась же эта женщина на Достоевском: то ему приходилось её удерживать от самоубийства, то ещё от какой-то глупости. Из-за какого-то бродячего кобеля, случайно пообщавшегося с Сусловой, величайший писатель планеты не мог найти себе места, не спал ночами, хотел убить себя.

Много десятилетий прошло с тех пор. Имя Сальвадора попало в историю лишь потому, что каким-то образом оно оказалось связанным с Достоевским.

Обидевшись на Сальвадора, пренебрегшего ею, Суслова стала мстить всем мужчинам, и особенно влюбленным в неё. Таковы человеческие страсти.

Сальвадора писатель изобразил в образе де Грие — одного из самых отвратительных персонажей "Игрока", несущем в себе выраженный антиевропейский заряд. Интересно, как бы Достоевский показал европейцев, если бы европейцы не обыгрывали его в карты и не уводили у него любовниц? Суслова была падка на европейских мужчин, она бросалась на всякого, те же её сторонились и более нескольких ночей с ней не проводили. Возиться с Сусловой приходилось русским мужчинам. Не от этого ли они создали теорию об особом пути России, об особой психологии русского народа, об его мессианстве и терпении? Ведь самыми выдающимися проповедниками русофильства в России были

Достоевский и Розанов, в жизни которых Суслова сыграла роковую роль.

В 40-летнем возрасте Суслова вышла замуж за Василия Васильевича Розанова (1856-1919), в будущем крупнейшего философа. 24-летний студент (тут Суслова поменялась ролями с Достоевским по части возрастных совпадений) всю жизнь любил эту взбалмошную злючку, и когда узнал, что она скончалась, не мог пережить её смерть. Розанов и Суслова прожили вместе шесть лет. Жили, как кошка с собакой. Юный студент был частым свидетелем измен своей жены. Любя Суслову, он терпел. И терпел бы всю жизнь, если бы в один прекрасный момент Суслова не выгнала бы его из дома. Потрясенный этим, Розанов отказал ей в разводе, пытался приструнить жену, жаловался на неё — нет, не в партком, как было принято при большевиках, — а в жандармское управление. Всё было напрасно.

"Что за таинственная сила, — писал один из их современников, — была в этой натуре, если второй, почти гениальный человек, так долго любил её, так мучался любовью своей к ней... Суслова исказила навсегда весь его характер и всю его деятельность."

Чем больше Розанов демонстрировал Сусловой свою любовь, тем более цинично и безжалостно она её отвергала. Повторялась

история с Достоевским: Суслова отдавалась любому ничтожеству, но только не мужу.

Это не могло пройти бесследно для Розанова: он становился мистиком, тень Достоевского, чьим преемником он себя чувствовал, заслоняла от него жизнь.

Суслова обладала поразительной способностью вызывать у близких ей мужчин, которые её любили, чувство неполноценности, требовавшее гиперкомпенсации. Такой гиперкомпенсацией у Розанова были идеи пола, монархизм и антисемитизм. На эти темы он страсть как любил публиковать книги, из которых наиболее известны "Луди лунного света", "Легенда о Великом Инквизиторе" Ф.М.Достоевского", "Опавшие листья".

Покинутый Сусловой, он тщетно пытался начать новую жизнь. От одной женщины он родил детей (у Сусловой детей никогда не было — это, кстати, свойственно людям её склада) и хотел жениться на их матери, чтобы они носили фамилию отца. Много раз он просил у Сусловой развод, и всегда следовал отказ. Чем убедительнее были аргументы Розанова, тем в более садистической форме Суслова сыпала соль на его раны. Развода она так и не дала.

Как человек, Розанов был жалок, суетлив, болтлив, назойлив, непоследователен, поверхностен. Он был какой-то неблагородный и невоспитанный. Большинство порядочных людей относились к нему с брезгливостью. Розанов, например, набивался в друзья к

Толстому, просил его подарить ему портрет, чтобы потом хвастать. Свой портрет Толстой ему так и не подарил, и тем более не сделал на нём дарственной надписи. Да и как иначе мог относиться к Розанову Лев Толстой, если он видел всю ничтожность этого человека. Может быть, как мыслитель Розанов и был значителен (как некоторые утверждают), но как человек он был ниже всякой критики. Автор антисемитских сочинений, он во время дела Бейлиса призывал к еврейским погромам. После же революции 17 года, когда в правительстве стало много евреев, он испугался, стал восторгаться евреями, писать к ним покаянные письма, просить у них прощения, требовал изъятия из библиотек своих юдофобских книг. Этот двуличный борзописец с психологией обычного чиновника делал лишь то, что дозволялось властью: при царях писал против евреев, при революционеров — начал евреев восхвалять. Он подходил к зданию Московского исполкома и громко, чтобы привлечь к себе внимание, спрашивал сам себя: "Покажите мне глав большевиков — Ленина или Троцкого. Ужасно интересуюсь. Я — монархист Розанов."

Когда-то он сказал: "Человек искренен в пороке и неискренен в добродетели". Но поскольку каждый судит по себе, то вероятно, что эти слова полностью можно отнести прежде всего к его собственным поступкам.

Себя он оценивал так: "Я навозная жижица, на поверхности которой плавают золотые

рыбки". Жижицы было больше чем достаточно. Золото же встречалось очень редко. "Каждая душа есть феникс и каждая душа должна сгореть, а великий костер этих сгоревших душ и образует пламя"; "Связь пола с Богом бОльшая, чем связь ума с Богом, даже чем связь совести с Богом, — выступает из того, что все асексуалисты обнаруживают себя и аскетами"; "Истина, добро и свобода суть главные и постоянные идеалы, к осуществлению которых направляется человеческая природа в главных элементах своих — разуме, чувстве и воле"; "Самое лучшее определение человека — это существо на двух ногах и неблагодарное" — вот самые выдающиеся перлы розановского ума. Уж никак это не золотые рыбки.

Пишу об этом сумбурном человеке с искалеченной душой так подробно по нескольким причинам. Во-первых, из-за Сусловой. Розанов правильно считал, что лишь то знание ценно, которое острой иглой прочертило по сердцу. Связь с Сусловой больно ранила Розанова и на всю жизнь оставила в его сердце шрам. От общения с Сусловой никто не становился лучше, а многие — особенно неустоявшиеся и несамостоятельные юноши — превращались в нравственных уродов. Во-вторых, в последние десятилетия XX века среди многих российских интеллигентов возникла тенденция объявлять Розанова одним из самых выдающихся и передовых мыслителей XIX века. Чего в

Розанове выдающегося, я не понимаю. А уж к передовым, то есть к демократически и гуманистически настроенным людям относить его тем более нельзя. Это был беспринципный флюгер без четкой линии поведения, а как мыслитель он фрагментарен, случаен, хаотичен. Розанов любил слова Гоголя о том, что со словом следует обращаться честно. Сам же Розанов со словами обращался как Суслова с ним: что хотел, то и делал, очень часто себе и окружающим назло.

М.Горький, столь ненавидевший Достоевского, испытывал большую слабость к Розанову. Он публично объявил его "почти гениальным писателем". Розанов, по Горькому, "фигура, быть может, более трагическая, чем сам Достоевский. Уж конечно, более изломанная и жалкая. Часто противен, иногда даже глуп, а в конце концов самый интересный человек русской современности."

Горький переписывался с Розановым, опекал его, давал деньги, когда тот умирал с голоду в Троице-Сергиевой Лавре уже после революции. Любил этого гадкого, беспринципного юродивого, спекулирующего психическим эксгибиционизмом.

В конце XIX века Суслова переселилась в Симферополь, там и скончалась. Как она жила, я не знаю. В 1902 году один из друзей Розанова отправился в Симферополь, чтобы просить Суслову дать развод мужу. 63-летняя Суслова

отказалась это сделать. В 1980 году я побывал в Симферополе, но тщетно искал могилу Сусловой на местном кладбище.

Эмоционально холодная, злобная, мизантропически настроенная особа считала себя христианкой, писала книги с гуманистическими призывами. Нравственностью именуется: 1) понимание совести как закона и нормы жизни и 2) понимание своих обязанностей по отношению в высшему этическому идеалу — Богу. И в том, и в другом случае Суслова была глубоко безнравственным человеком. Видно, для неё Розанов и создал в свое время тезис о "достоинстве христианства и недостоинстве христиан".

Встречи Суслова и Достоевского проходили в Петербурге, на современной улице Пржевальского. Занесет вас судьба, читатели, в эти края — вспомните о бурных страстях, бушевавших здесь: и в квартире Достоевского, и вне её.

ИНТЕРВЬЮ

корреспондента журнала "Природа и человек"
М.Анисонян
с редактором журнала "Ибис" Е.В.Левашовым

Вопрос: — Как Вы относитесь к случайностям и закономерностям в жизни человека?

Ответ: — Отношусь хорошо. (Это шутка, конечно.) А если коротко, то в Агни Йоге указано: "Случайность — это непознанная закономерность." И вслед за, например, Максом Борном считаю, что существуют *законы* случайностей — то есть нащупывается закономерность или закономерности. А в жизни среднего человека, о котором мы с Вами сегодня говорим, случайности — это обычно проявление кармических связей или так называемое веление судьбы.

В.: — Каково Ваше понимание слова "карма", и как её изменить к лучшему?

О.: — Понимание самое обычное, традиционное. Об этом сейчас куча литературы, и там, кстати, говорится, как её изменить к лучшему. Но раз Вы спрашиваете меня, то пожалуйста: изменить

её к лучшему можно в основном через неимение внутри себя зла, а это — тоже в основном — даётся соприкосновением с эзотерическими знаниями, дающими более правильное миропонимание, чем у обычного среднего человека до сих пор. Но чтобы что-нибудь хорошо знать, надо — при нормальных, конечно, условиях — хоть немного это любить. Так что и в этом случае всё начинается с той самой любви. Недаром С.Н.Лазарев одним из главных диагностических параметров считал наполненность человека любовью. Да и в Библии сказано: "Если Любви не имею, то я — медь звенящая или кимвал звучащий, — ничто" (*1 Кор 13:1,2*). И вообще, чем больше живу, тем больше убеждаюсь, что в основе всего Любовь — в высоком и широком смысле этого слова; Любовь, если угодно, в смысле космическом, не зависящая от конкретного вызывающего её объекта или субъекта ("необусловленная"), а просто как один из материальных феноменов космического Бытия. Для человеческого уровня это хорошо показано в "Гранатовом браслете" А.Куприна.

В.: — Можно ли быть счастливым человеком в наше время на нашей Земле?

О.: — Строго говоря, сначала надо дать определение счастья. Как сказано в "Чуке и Геке", каждый понимал это слово по-своему. И на протяжении жизни это понимание может

сильно измениться. Для ребёнка, например, счастьем может быть получить полюбившуюся ему игрушку, а когда он станет старым и больным, то счастьем для него может стать, например, отсутствие физической боли. Так что на Ваш вопрос я ответить не могу, но всё же про себя считаю (только это между нами...), что счастливым в наше время на Земле быть можно. Да ведь в конце концов, если совсем маленький ребёнок здоров, сыт, ухожен и так далее, то вот он лежит и улыбается; и что, разве он не счастлив?

И не надо говорить, что это, мол, животное счастье. Лучше давайте переставать быть животными начиная с предзачаточного возраста: ведь душа будущего ребёнка уже существует на тонком плане в поле будущего её родителя-воплотителя, и тут самое время её менять в направлении от животности. Будущие мамы (да и папы) тут могут сделать чрезвычайно много — было бы знание и желание этого. А денег это почти и не требует. Правильно сказано в Агни Йоге, что женщина может за три поколения изменить судьбу всего человечества.

В.: — Люди, встречающиеся нам в жизни, уже встречались нам в прошлых наших жизнях?

О.: — Как сказано в "Космических легендах Востока" (а точнее, всё в той же Агни Йоге), "не

менее половины земных встреч происходят из прошлых воплощений".

В.: — Если что-то в жизни получилось неудачно, то это дано для того, чтобы мы извлекли из этого какой-то урок?

О.: — Слово "дано" я считаю здесь неточным и даже дезориентирующим, потому что думаю, что далеко не всегда "неудачные" (кавычки я тут ставлю не зря) события формируются чьей-то сознательной и в том числе злой волей. Да и сознаний вокруг нас великое множество. Тут могут быть задействованы сознание и воля нашего двойника или двойников, наших параллельных "я" в соседних мирах (мы в нашем журнале об этом писали), воля нашего собственного атманического тела, наша механически действующая карма, влияния из посмертности (в том числе могильные связи), и многое прочее. По-настоящему разобраться в этом могут лишь единицы — только прекрасные ясновидящие или у кого достовернейшие контакты. А простому человеку остаётся только задаваться вопросом, отчего бы это "такой реприманд неожиданный". А задумываться над этим желательно, потому что какой-то урок из этого, конечно, можно извлечь. Но слишком уж ломать голову тоже не следует — всё равно нам, простым людям, до конца не понять.

Вот не так давно у меня это и было: застопорилась одна ментальная работа вместе с

одной ясновидящей, а когда посмотрели, в чём дело, то оказалось, что я в первобытном обществе с одним себе подобным "мужиком" бабу не поделил. Ну и треснул его дубиной, и насмерть, а поскольку для неандертальца это естественно, то в сильную карму мне это не вменилось, а вот вылезло в этой жизни и сделать дело стало мешать. Двое суток я с этим волосатым беседовал, чтобы это убрать, аж весь взмок: он же (то есть бывший я) ничего не понимает, кроме грубых эмоций. Даже злиться на него начинал, от бессилия, но тут же вспоминал, что он же мне не посторонний — на кого злюсь?.. Так что издалека может идти.

Но даже и не это главное, а то, что человек — это ведь не его физическое тело, а прежде всего, так сказать, его сознание. Лазарев прямо так и говорит. И поэтому человек там, где его сознание. (И ещё раз, для тех, кто не понял: человек там, где его сознание!) Но тогда: нужно ли ему в том реприманде торчать? Ну не понимаешь, в чём причина или с чего началось — не крути долго в мозгах, плюнь и иди дальше. И старайся больше в такие ситуации не попадать.

Да ведь, собственно, всё человечество так и поступает.

В.: — Если нас кто-то не понимает или понимает неверно, то какой вывод из этого мы должны сделать?

О.: — Выводов не один, а несколько.

Первый: "Я не сумел(а) объяснить" (не тем тоном, не в надлежащее время, не в надлежащем месте или обстановке, я не заинтересовал(а) его/её моим мнением, — и т.д.).

Второй: мне нужно научиться уже в процессе разговора понимать: может быть, собеседник НЕ ХОЧЕТ меня понимать — сознательно не хочет или неосознанно.

Третий: мне нужно научиться в процессе общения понимать, ПОЧЕМУ он(а) не хочет меня понимать.

Четвертый: помнить "про неандертальца" — что данный неконтакт может быть следствием дел очень далёких. Поэтому иметь терпение, не сердиться, и не расстраиваться, если не получилось. Значит, ситуация, вероятно, не была проработана должным образом: не докопана до конца. Встретитесь снова, или карма подставит вам кого-то другого — с той же задачей для вас: правильно отнестись к ситуации. Неважно же, на ком вас прорабатывать — Иване или Петре.

Пятый: мне нужно научиться просекать всё вышесказанное ещё ДО общения, и в частности — вещь простую: да не дурак ли мой собеседник? Как говорил мой земной Учитель,

не ходи к глухим. Или как сказано в Библии: не мечите бисера перед свиньями, ибо они потопчут его ногами, а обратившись, растерзают вас.

Так что, отвечая на Ваш вопрос: главный вывод тот, что никогда не виноваты Ваня или Вася или Маша или Пьер, а всегда виноваты мы сами. (Хотя лучше рассуждать не в категориях вины, а в категориях причинности.)

В.: — Каких людей Вы чаще встречали в жизни — честных или нечестных, справедливых или несправедливых, добрых или злых?

О.: — Я не могу ответить точно, потому что людей я если и делю, то только на глубинно восходящих или нисходящих. Священник бы выразился так: "На детей Бога и детей Сатаны", а эзотерик — "на светлых и тёмных". Но в обычном внешнем общении, — общении поверхностном, — это глубинное различие видно редко. Поэтому я не знаю, как Вам ответить.

С другой стороны, нисходящая душа в одном воплощении — может подниматься в воплощении следующем. И нередко нисхождение бывает нужно именно для следующего мощного подъёма, — или наоборот. Вон индийский святой Миларепа убил всю семью своего дяди, а считается святым; почему бы это? Или современный киллер убил

нескольких человек, но ясновидение показывает: он был лишь рукою судьбы, исполнителем её воли, потому что тех людей просто нужно было снять с физического плана. И примеров таких миллионы.

Или как в эзотерике — посылается чёрный учитель. Если описать его действия коротко, то нередко он просто, подобно магниту, собирает в большой ком все мелкие комки дряни в человеке и потом этот ком резко забирает себе как добычу. И человека это сильно травмирует: как же, вырвали его родную и близкую гадость, да ещё с мясом и неожиданно.

Но ведь он после этого стал почище!

Или как Лазарев описывает: да, карма даёт по облегчённому варианту. Но ведь кто-то же должен это давать, через каких-то конкретных людей. (Конечно, бывает и через животных.) Когда я только начинал в эзотерике, то, возмутившись однажды, чуть этим не убил (энергетически и на расстоянии, так как меня это сильно затронуло) двоих неизвестных мне человек, которые, работая совместно, давали рак грудной железы: один в Зеленограде, другой в Москве. Хорошо, Учитель вовремя перехватил. И только потом я узнал, что рачок этот даётся женщине, чтобы она призадумалась. То-то он плохо диагностируется. Потому что зависит это от её состояния, миропонимания, отношения к жизни и окружению.

Так что кто хорош и кто плох? "Не судите, да не судимы будете"...

Но, "с третьей стороны", мы же всё равно судим. И тут важна граница между суждением и осуждением. И я в журнале об этом писал.

Спросят, далее (и правильно спросят): "А вот те, которые пытали людей в концлагерях, в лубянских, пиночетовских и прочих подвалах, которые пытают сегодня в Чечне и в милиции — они-то — неужели не зло?"

Ответ содержится уровнем выше: прежде чем орать о правах человека, надо не только понимать, что такое ВООБЩЕ человек (уж об этом я и не говорю), но как минимум надо тут рассмотреть, *что такое* данный конкретный "пытатель". Это, как правило, робот, зомби, существо без души, поставленное на это дело специально. (Таково же, кстати, и его начальство.) И к нему, механизму, наши этические критерии неприменимы.

Но и это объяснение вынужденно упрощенное. К тому же существует важный вопрос: а почему, собственно, этот несчастный страдалец ВООБЩЕ пересёкся в своей жизни с палачом? Уж не сам ли занимался подобными делами?

Так что, "понять — значит простить"?.. Ну, не знаю. Но вот наш журнал всё же старается объяснять. А кто не верит — ну, что поделаешь.

Сами себе всё и портят. Но показать пальцем нужно.

В.: — У каждого ли человека одинаковое соотношение встречающегося ему добра и зла?

О.: — Конечно, нет. Неодинаковое. Ведь кармы и судьбы у всех различные.

В.: — Почему одни люди под влиянием встречающегося им зла становятся лучше, а другие хуже?

О.: — Ну, "лучше" и "хуже" мы только что разобрали. Эти выражения не имеют себе соответствия в истинной, глубинной реальности... Это чисто житейское, человеческое, поверхностное.

В.: — И последний, пожалуйста, вопрос: какой Вы представляете себе жизнь на Земле через несколько сотен лет?

О.: — Уж извините меня — никакой. Я об этом совершенно не думаю. Тем более что говорят, что скоро нам всем переселяться на новый глобус...

ТЕОСОФСКИЙ СЛОВАРЬ

УКАЗАТЕЛЬ ТЕОСОФСКИХ ПОНЯТИЙ К "ТАЙНОЙ ДОКТРИНЕ"

Составлен Дж. Мидом

Перевод с английского А.П. Хейдока[*]

Перевод осуществлен по изданиям:

1. H.P. Blavatsky. The Secret Doctrine. Ind. to vols. 1 and 2. -- London ets., Theosophical publ., 1895.

2. H.P. Blavatsky. The Theosophical glossary. -- London, 1892.

От редактора. Этот огромный словарь мы продолжаем публиковать в том виде, в каком его получили, то есть со всеми имеющимися ошибками (исправить их — гигантская работа...) и невозможностью удовлетворительно оформить текст. Мы также намеренно печатаем его мелким шрифтом, чтобы читатель не упрекнул нас, что журнал мы заполняем не статьями современных авторов по практически нужным вопросам (как обещали), а неинтересным для многих материалом. Кроме того, так как исходный язык английский, то в публикуемом переводе (а) строгое алфавитное расположение терминов по-русски невозможно, и (б) вклиниваются термины на совсем другие буквы. Поэтому рекомендуем читать всё подряд. Желаем успеха.

---

[*] *Продолжение. Начало в № 5.*

КАРНАИМ (Евр.) Имеющий рога - характерный атрибут Ашторет и Астарты; эти рога олицетворяют мужской элемент и превращают божество в андрогина. Изида тоже иногда имеет рога. Сравнить также с идеей Полумесяца - символа Изиды - как обладания рогами.

КАРНЕЙОС (Греч.) "Аполлон Карнейос", очевидно является аватаром индусского "Кришна Карна". Оба были богами Солнца; как "Карна", так и Карнейос означают "сияющий". (См. "Тайная Доктрина", т. II, с. 59, сноска.)

КАРШИПТА (Мазд.) Святая птица Небес в Священных Писаниях маздеян, о которой Ахура Мазда говорит Заратуште, что "она излагает Авесту на языке птиц" ("Бунд.", xix и след.) Эта птица есть символ "Души" Ангела и Дэвы и каждой древней религии. Потому не трудно понять, что эта "святая птица" означает божественное Эго человека или "Душу". То же, что Каранда (см.).

КАРШВАРЕ (Зенд.) "Семь земель" (наша семеричная цепь), которыми управляют Амеша Спенты, Архангелы или Дхиан-Коганы парсов. Семь земель, из которых лишь одна, а именно, Хванирата - наша земля - известна смертным. Эти земли (эзотерически), или семь подразделений (экзотерически), суть наша планетная цепь, как это в "Эзотерическом Буддизме" и в "Тайной Доктрине". Это учение ясно изложено в "Вендидаде", фарг. xix, 39.

КАРТИКЕЯ (Санскр.) или Картика. Индийский Бог Войны, сын Шивы, родившийся из его семени, упавшего в Ганг. Он есть также олицетворение силы Логоса. Планета Марс. Картика является очень оккультным персонажем, питомцем Плеяд и Кумаром. (См. "Тайная Доктрина".)

КАРУНА-БХАВАНА (Санскр.) Медитация жалости и сострадания в Йоге.

КАЗБЕК Гора в Кавказском горном массиве, где был прикован Прометей.

КАШИ (Санскр.) Другое и более древнее название святого города Бенарес.

КАШИНА (Санскр.) Мистический ритуал Йоги, употребляемый для освобождения ума от всякого колебания и для приведения Камического элемента в полное бездействие.

КАШИ КХАНДА (Санскр.) Длинная поэма, составляющая часть "Сканда Пураны" и содержащая иную версию легенды о голове Дакши. Потеряв ее в битве, боги заменили ее головой барана Мекха Шивас, тогда как в другой версии говорится о голове козла - такая замена значительно изменяет аллегорию.

КАШИЯПА (Санскр.) Ведийский Мудрец; согласно "Атхарва Веде" - "Саморожденный, кто произошел от Времени". Будучи отцом Адитьев, возглавляемых Индрой, Кашияпа является также прародителем змей, пресмыкающихся, птиц и других ходящих, летающих и ползающих существ.

КАТХА (Санскр.) Одна из Упанишад, с комментариями Шанкарачарьи.

КАУМАРА (Санскр.) "Творение Кумар", юноши-девственники, происшедшие от тела Брамы.

КАУРАВИЯ (Санскр.) Царь Нагов (Змиев) в Патале, что экзотерически есть зал. Но эзотерически это совсем иное. В верхней Индии существует племя Нагов; в Мексике Нагал есть название главного целителя до наших дней и было обозначением верховных адептов в сумерках истории; и, наконец, Патал означает страну противоположного полушария и есть название Америки. Отсюда следует, что рассказ о том, как Арджуна путешествовал в Паталу и женился на Улупи, дочери Царя Кауравия, может быть столь же историческим, как и многие другие, считавшиеся вначале мифическими, а затем оказавшиеся истинными.

КАВАНИМ (Евр.) Пишется также Куним; название определенных мистических хлебов, жертвуемых Иштар, Венере вавилонян. Иеремия говорит об этих куним, жертвуемых "Царице Небесной", VII, 18. В наше время мы жертвуем булочки, но едим их на Пасху.

КАВЬЯВАХАНА (Санскр.) Огонь Питри.

КЧАНА (Санскр.) Неисчислимо короткий момент; 90-я часть или доля мысли, 4500-я доля минуты, во время которой на нашей земле имеет место от 90 до 100 рождений и столько же смертей.

КЕБАР_ЗИВО (Гност.) Один из главных творцов в "Кодексе Назареев".

КЕХЕРПА (Санскр.) Воздушная форма.

КЕШАРА (Санскр.) "Путешественник по Небу", т.е. Йог, который способен путешествовать в своей астральной форме.

КЭТЕР (Евр.) Венец, высший из десяти Сефиротов; первый из Божественной Триады. Он соответствует Макропросопусу, огромному лику, или Арик Анпину, который дифференцируется в Хокму и Бину.

КЕТУ (Санскр.) Склоняющаяся к горизонту точка пересечения орбит в астрономии; хвост небесного дракона, который нападает на Солнце во время затмения; также комета или метеор.

КЛЮЧ. Символ всемирного значения, эмблема безмолвия у древних народов. Изображенный на пороге Адитума, ключ имел двоякое значение: он напоминал кандидатам об обязанности молчания и сулил открытие многих до сил пор недоступных тайн профану. В "Эдил в Колоне" Софокла хор поет о "золотом ключе, положенном на язык руководящего Иерофанта в мистериях Элевзина", (1051). "Жрица Цереры, согласно Каллимаху, носила ключ как знак своего служения, и ключ был, в Мистериях Изиды, символом открытия или раскрытия сердца и совести перед сорока двумя судьями поступков умершего" ("R.M.Cyclop.).

КХАДО (Тиб.) Злые демоны женского пола в народном фольклоре. В Эзотерической Философии - оккультные и злые Силы природы. Элементалы, с санскрите известные как дакини.

ХАЛДЫ Древнейшие жители Халдеи, которые сперва поклонялись богу Луны, Дэус Лунус, - этот культ появился у них вместе с большим потоком древнего переселения индусов; а позднее - каста профессиональных астрологов и Посвященных.

КХА (Санскр.) То же, что "Акаша".

ХАМИЗМ Название, данное египтологами древнему языку Египта. Также Хами.

КХАНДА КАЛА (Санскр.) Конечное или ограниченное время, в противоположность бесконечному времени, или вечности - кала.

ХЕМ (Егип.) То же, что Гор. "Бог Хем отомстит за своего отца Озириса", гласит текст папируса.

ХЕПРА (Егип.) Египетский бог, наблюдающий за перерождением и переселением душ. Он изображен со скарабеем вместо головы.

КХИ (Кит.) Букв., "дыхание"; означает Буддхи.

ХНУМ (Егип.) Великая Глубь, или Первичное Пространство.

ХОДА (Перс.) Название Божества.

ХОН, или Хонсо (Егип.) Сын Маут и Аммона, олицетворение утра. Некоторые считают его Харпократом фиванцев, Подобно Гору, он раздавливает своими ногами крокодила, символ ночи и тьмы, или Себа (Себека), который есть Тифон. Но в надписях к нему обращаются как к "Целителю болезней и изгоняющему всякое зло". Он также есть "бог охоты", и сэр Гарднер Уилкинсон хотел бы усмотреть в нем египетского Геркулеса, очевидно потому, что у римлян был бог по имени Конс, который руководил скачками и поэтому назывался "укрывателем тайн". Но последний есть позднейший вариант египетского Хона, который более вероятно является аспектом Гора, так как у него голова ястреба, и он носит кнут и посох Озириса, тат и крукс-ансата.

ХУМ (Егип.) или Нуф. Душа мира; вариант Хнума.

ХУБИЛХАН (Монг.) или Шабронг. В Тибете - имя, даваемое предполагаемым воплощениям Будды. Избранные Святые.

КУНРАТ Генри Знаменитый каббалист, химик и врач, родившийся в 1502 году; посвящен в Теософию (розенкрейцерскую) в 1544-м г. Он составил несколько замечательных каббалистических сочинений, лучшим из которых является "Амфитеатр Вечной Мудрости" (1598).

КИМАПУРУШИ (Санскр.) Чудовищный Дэвы, полу-люди, полу-лошади.

ЦАРИ ЭДОМА Эзотерически - ранние, экспериментальные, уродливые расы людей. Некоторые каббалисты интерпретируют их как "искры", миры в процессе формирования, исчезающие сразу же после образования.

КИННАРЫ (Санскр.) Букв., "Что за люди?" Мифические существа того же рода, что и Ким-пуруши. Один из четырех классов существ, называемых "Махараджами".

КИУ-ЧЕ (Кит.) Астрономическое сочинение.

КИРАТАРДЖУНЬЯ Бхарави (Санскр.) Санскритский эпос, прославляющий доблесть Арджуны в борьбе с принявшим облик лесника богов Шивой.

КИВЕР-ШАНС (Кит.) Астрал или "Тело Мысли".

КИЮН (Евр.) Или бог Киван, которому поклонялись израильтяне в пустыне и который, вероятно, был идентичен с Сатурном и даже с богом Шивой. Действительно, так как зендское Х есть С в Индии (их "хапта" есть "сапта" и т.п.), и поскольку буквы К, Х, и С взаимозаменяемые, то Шива (Siva), легко может превратиться в Кива и Киван.

КЛЕША (Санскр.) Любовь к жизни, но буквально "страдание и несчастье". Привязанность к существованию, и почти то же, что Кама.

КЛИКУША (Русск.) Одержимый бесом. Букв., "крикун", "тот, кто кричит", так как с этими беднягами периодически случаются приступы, во время которых они кукарекают как петухи, ржут, издают ослиные крики и пророчат.

КЛИППОТЫ (Евр.) Оболочки; употребляется в Каббале с несколькими значениями: (1) злые духи, демоны; (2) оболочки умерших людей - не физическое тело, а остаток личности после того, как дух отошел; (3) элементарии - у некоторых писателей.

НЕФ (Егип.) Также Cnerh и Nef, наделен теми же свойствами что и Хем. Один из богов творящий Силы, ибо связан с Мировым Яйцом. Порфирий называет его "творцом мира"; Плутарх - "несотворенным и вечным божеством"; у Евсевия он идентичен с Логосом; а Амблих почти отождествляет его с Брамой, так как говорит о нем, что "этот бог есть сам разум, умственно осознающий себя и посвящающий умственную деятельность самому себе, и ему следует поклоняться в безмолвии". Одна из его форм, добавляет м-р Бонвик, "была Ав, что означает плоть. Он был криоцефалом, с солнечным диском на голове и стоящим на змее Мехен. В левой руке у него гадюка, в правой -

крест. Он был активно занят в преисподней миссией творения". Деверия пишет: "Его путешествие в низшее полушарие кажется символизирующим эволюцию субстанций, которые возникают для того, чтобы погибнуть и возникнуть вновь." За тысячелетия до появления Кардека, Сведенборга и Дарвина древние египтяне придерживались своих нескольких философий. ("Eg. Belief and Mod. thought.)

КОЙНОБИ (Греч.) Секта, жившая в Египте в первой половине первого христианского века; их обычно смешивают с терапевтами. Они считались магами.

КОКАБ (Халд.) Каббалистическое название, связанное с планетой Меркурий; также Звездный свет.

КОЛ (Евр7.) Голос, еврейскими буквами QUL. Голос божественного. (См. "Бат Кол" и "Вак".)

КОЛЫ. Одно из племен в центральной Индии, чрезмерно склонное к магии. Они считаются большими колдунами.

КОНКС-ОМ-ПАКС (Греч.) Мистические слова, употребляющиеся в Элевзинских мистериях. Их считают греческой имитацией древних египетских слов, некогда применявшихся в сокровенных церемониях культа Изиды. Некоторые современные авторы дают им фантастические толкования, но все они - лишь догадки об истине.

КУРГАН (Русск.) Искусственный холм, вообще - древнее захоронение. С такими холмами часто связываются придания сверхъестественного или магического характера.

КОРАН (Араб.) или Quran. Священное Писание мусульман, данное Пророку Магомету самим Аллахом (богом). Это откровение, однако, отличается от данного Иеговой Моисею. Христиане поносят Коран, называя его галлюцинацией и сочинением арабского мошенника, в то время как Магомет проповедует в своем Писании единство Божества и отдает честь христианскому пророку "Исса Бен Юссуфу" (Иисусу, сыну Иосифа). Коран - это величественная поэма, насыщенная этическими учениями, громогласно провозгласившими Веру, Надежду и Милосердие.

КОСМОС (Греч.) Вселенная, в отличие от мира, что может означать наш шар или землю.

КУНБУМ (Тибет.) Священное Дерево Тибета, "дерево 10 000 образов", как его называет Хук. Оно растет в отгороженном месте на монастырской территории ламасерия с таким же названием, и за ним тщательно ухаживают. Традиция гласит, что оно выросло из волос Цонг-к'а-па, который был погребен на этом месте. Этот "Лама" был великим Реформатором Буддизма Тибета и считается инкарнацией Амита Будды. По словам аббата Хука, прожившего вместе с другим миссионером, по имени Габи, несколько месяцев недалеко от этого необыкновенного дерева: "На каждом из его листьев, при распускании, имеется буква или религиозное изречение, написанное священными буквами, и это буквы, их вид, такого совершенства, что среди литер Дидо не найти не одной, которая могла бы превзойти их. Разверните листья, которые готовы раскрыться, и вы обнаружите, в стадии появления, буквы или четкие слова, что есть чудо этого уникального дерева! Перенесите ваше внимание с листьев этого растения на кору его ветвей, и ваш взгляд упадет на другие буквы! Не позволяйте вашему интересу угаснуть, поднимите слои этой коры, и снова другие буквы появятся под теми, красота которых поразила вас. Не думайте, что эти вышележащие слои повторяют один и тот же отпечаток. Нет, как раз напротив, иби каждый тонкий слой, который вы поднимаете, преподносит взгляду свой особый шрифт. Как же, тогда, можем мы подозревать обман? Я очень старался в этом направлении раскрыть малейший след человеческой хитрости, и мой сбитый с толку ум не мог уловить не малейшего подозрения." Однако добрый французский аббат немедленно подозревает - Дьявола.

КРАТУДВИШИ (Санскр.) Враги Жертвоприношений; Дайтьи, Данавы, Киннары и т.д., - все они представлены как великие аскеты и Йоги. Это показывает, кто подразумевался на самом деле. Они были врагами религиозных маскарадов и ритуализма.

КРАВЬЯД (Санскр.) Мясоед; плотоядный человек или животное.

КРИЗАШВА, его Сыновья. (Санскр.) Оружие, называемое агнеястра. Магическое живое оружие, наделенное рассудком, о котором говорится в "Рамаяне" и в других местах. Оккультная аллегория.

КРИШНА (Санскр.) Самый прославленный аватар Вишну, "Спаситель" индусов и их самый популярный бог. Он - восьмой Аватар, сын Дэваки и племянник Кансы, индийского Царя Ирода, который, ища его среди пастухов овец и коров, укрывших его, убил тысячи их новорожденных младенцев. Повесть о зачатии, рождении и детстве Кришны есть точный прототип рассказа Нового Завета. Миссионеры, конечно, стараются доказать, что индусы украли этот рассказ о Рождении у ранних христиан, пришедших в Индию.

КРИТА-ЮГА (Санскр.) Первая из четырех Юг или Веков браминов; называется также Сатья-Юга - период в 1 728 000 лет.

КРИТТИКА (Санскр.) Плеяды. Семь кормилец Карттикеи, бога Войны.

КРИЯШАКТИ (Санскр.) Сила мысли; одна из семи сил Природы. Творящая мощь Сиддхи "сил" совершенного Йога.

КРОНОС (Греч.) Сатурн. Бог Безграничного Времени и Циклов.

КРУРА-ЛОЧАНА (Санскр.) "Злоокий", употребляется в отношении Сани, индусского Сатурна, планеты.

КШАНТИ (Санскр.) Терпение, одна из Парамит совершенства.

КШАТРИЯ (Санскр.) Вторая из четырех каст, на которые были первоначально разделены индусы.

КШЕТРАДЖНА или Кшетраджнешвара (Санскр.) Воплощенный дух. Сознательное Эго в своих высших проявлениях; перевоплощающийся Принцип; "Господь" в нас.

КШЕТРАМ (Санскр.) "Великая Глубь" Библии и Каббалы. Хаос, они; Пракрити, Пространство.

КШИРА САМУДРА (Санскр.) Океан молока, пахтаемый богами.

КУХ-ХА-ГУФ (Евр.) Астральное тело человека. В сочинениях Франца Ламберта это пишется "Coach-ha-guf". Но европейское слово есть Кух, означающее энергию, "силу", движущее начало земного тела.

КУКЛОС АНАГКЕС (Греч.) Букв., "Неизбежный Цикл" или "Круговорот Необходимости". Из многочисленных катакомб в Египте и Халдее самыми известными были подземные крипты Фив и Мемфиса. Первые начинались на западном берегу Нила и тянулись в сторону Фиванской пустыни, и были известны как катакомбы змиев (Посвященных Адептов). Тут проходили Священные Мистерии Куклос Анагкес, и кандидатов знакомили с неизбежными законами, которым подчинена каждая развоплощенная душа от начала времен. Эти законы

указывали, что каждая перевоплощающаяся Сущность, сбросив свое тело, должна перейти от этой жизни на земле к другой жизни на более субъективном плане, к состоянию блаженства, если только грехи этой личности не вызвали полное отделение высших "принципов" от низших; что "круговорот необходимости" или неизбежный цикл должен длиться определенный период (от одного до даже трех тысячелетий в некоторых случаях), и что, по окончании его, Сущность должна вернуться к своей мумии, т.е. к новой инкарнации. Учение египтян и халдеев - это учение "Тайной Доктрины" теософов. Мексиканцы имели такие же. В "Попол Вух" (см. труд де Бурбура) их полу-бог, Вотан, представлен описывающим ahugero de colubra, что идентично с "Катакомбами (или проходом) Змия", и добавляющим, что он шел под землей и "кончался у корня небес", и в эту змеиную нору Вотана впустили потому, что он сам был "сыном Змиев", или Драконом Мудрости, то есть Посвященным. По всему миру жрецы-адепты именовали себя "Сынами Дракона" и "Сынами Бога-Змия".

КУККУТА ПАДАГИРИ (Санскр.) Называется также Гурупадагири, "гора учителя". Она находится примерно в семи милях от Гайи, и знаменита благодаря непрекращающимся слухам, что Архат Махакашьяпа до сих пор живет в ее пещерах.

КУМАРА (Санскр.) Девственный мальчик или давший обет безбрачия юноша. Первые Кумары суть семи сыновей Брамы, происшедшие из членов тела этого бога в так называемом девятом творении. Отмечается, что это имя было дано им из-за их формального отказа "порождать свой род", и так они "остались Йогами", как гласит легенда.

КУМАРАБУДХИ (Санскр.) Эпитет, данный человеческому "Эго".

КУМАРА ГУХА (Санскр.) Букв., "таинственный девственный юноша". Имя, данное Карттикее из-за его необычного происхождения.

КУМБХАКА (Санскр.) Задержка дыхания, согласно предписаниям системы Хатха Йога.

КУМБХАКАРНА (Санскр.) Брат царя Раваны из Ланки, похитителя жены Рамы, Ситы. Как показано в "Рамаяне", Кумбхакарна, будучи проклят Брамой, спал шесть месяцев и затем бодрствовал один день, чтобы снова заснуть, и так на протяжении нескольких сот лет. Он был разбужен, чтобы принять участие в войне между Рамой и Раваной, взял в плен Ханумана, но в конце концов был сам убит.
КУНДАЛИНИ ШАКТИ (Санскр.) Сила Жизни; одна из Сил Природы; та

сила, которая зарождает определенный свет в тех, кто сосредоточенно занимается развитием духовности и ясновидения. Это есть сила, известная лишь тем, кто практикует сосредоточение и Йогу.

КУНТИ (Санскр.) Жена Панду и мать Пандавов, героев и противников своих двоюродных братьев Кауравов, в "Бхагават-гите". Это представляет аллегорию о Духе-Душе или Буддхи. Некоторые считают, что Драупади, жена всех пяти братьев Пандавов, введена для представления Буддхи; но это не так, ибо Драупади обозначает земную жизнь Личности. Как таковой, ей придается малое значение, позволяется быть оскорбленной и даже захваченной в рабство Юдхиштхирой, старшим из Пандавов и главным господином ее, который представляет Высшее Эго со всеми его свойствами.

КУРИСС (Греч.) Владыка, Учитель.

КУРУ (Санскр.) или Кауравы. Враги Пандавов в "Бхагават-Гите" на поле Курукшетры. Это поле находится всего лишь в нескольких милях от Дели.

КУША (Санскр.) Священная трава, употребляемая аскетами Индии, называемая травой счастливого предсказания. Она очень оккультна.

КУШАДВИПА (Санскр.) Один из семи островов, называемых Сптадвипа в "Пуранах" (см. "Тайная Доктрина", т. II, с. 506, сноска).

КУШАЛА (Санскр.) Заслуга, одна из двух главных частей Кармы.

КУШИНАГАРА (Санскр.) Город, поблизости от которого умер Будда. Он расположен недалеко от Дели, хотя некоторые востоковеды хотели бы поместить его в Ассаме.

КУВЕРА (Санскр.) Бог Гадеса, и богатства - подобно Плутону. Царь злых демонов в индусском пантеоне.

ГУАНЬ-ШИ-ИНЬ (Кит.) Мужской логос северных буддистов и буддистов Китая; "проявленный бог".

ГУАНЬ-ИНЬ (Кит.) Женский логос, "Матерь Милосердия".

ГУАНЬ-ИНЬ-ТЯНЬ (Кит.) Небеса, где обитают Гуань-Инь и другие логосы.

(продолжение предполагается)

АЛЬТИСТ ДАНИЛОВ

17

Наташа Данилову не звонила. А вот Клавдия по утрам звонила. Об услугах она его не просила, что само по себе Данилова пугало, а говорила о всякой чепухе, будто с министерской приятельницей, у какой купила пеньюар. Данилов понимал, что эти звонки неспроста, а имеют непременную дальнюю цель. Придет день, Клавдия свое решение ему и объявит. А теперь она как бы приучает его к своей ежедневной дружбе, чтобы потом его, забывшего об осторожности, размягченного, застигнуть врасплох и проглотить. "Нет уж, дудки!" - опять храбрился Данилов.

Между прочим, Клавдия говорила о синем быке. Она побывала на Выставке и даже, справа от фонтана "Каменный цветок",

---

Продолжение.

видела помещение для панкратьевского быка. А бык все не ехал. Клавдия ворчала, говорила: "Может, они его уморили?"

Данилов однажды чуть было не успокоил ее насчет быка. Сам не понял, как удержался. Он-то кое-что знал про панкратьевского быка Ваську. Москва метала громы и молнии, а бык никак не мог расстаться с заснеженными просторами Галичской возвышенности. Но и в провинции жизнь его текла интересно. В первый день после вызова быка в столицу в артели никак не могли решить, кого посылать представителями и в каком виде. Надо сказать, охотников быть при Ваське, хоть и в Москве, находилось мало. Наконец, к ночи, определили в поездку для обмена опытом животноводов Кукушкина А. А. и Кулешова А. В. В сопроводительной было сказано, что они племенного быка Ваську воспитывали с грудных мгновений. При Кукушкине и Кулешове послали непьющего агронома Василькову. На тракторных санях бык Васька доставлен был к станции железной дороги. И здесь народ, стекшийся к саням, уж на что приученный ко всяким чудесам, удивлялся быку. Василькова отчего-то краснела. Кукушкин молчал задумчиво, говорил лишь Кулешов, поскольку был кучерявый, но и то одни и те же слова: "Да, кабыздох будь здоров вымахал!" На станции долго думали, в какой вагон быка сажать - не в товарном же ехать быку на Выставку по

приглашению. Потом решили: Москва Москвой, а у них и своих дел много.

В Испании Данилов так и не смог обнаружить ни быка Мигуэля, ни иных следов Кармадона. Не один Данилов искал там теперь принсипского быка. Бурнабито клокотал, вначале он предъявил иск ни в чем не повинной девице Синтии Кьюкомб, будто она очаровала Мигуэля и уговорила его скрыться, - при этом Синтия никак не опровергла его слов. Адвокаты Бурнабито послали бумаги в Международный суд. Бурнабито пригрозил многим странам - если их правительства не помогут ему вызволить быка, он устроит глубокий подтяжечный кризис.

Панкратьевский бык Васька тем временем сидел на станции. То агроном Василькова ушла в магазин за чулками, и архангельский поезд проехал дальше; то животноводы Кукушкин и Кулешов зачитались газет и забыли о представительстве. Начальник станции Курнев мучился, мучился с ними, наконец пошел домой, к семье, поручив отправку гостей столицы диспетчеру Соломатину. "Ты этого быка-то, - сказал он напоследок, - грузи в багажный вагон..." С северной стороны прибыл скорый. Диспетчер Соломатин подсадил животноводов и агрономшу в купейный вагон, руки им пожал на прощанье, а когда скорый ушел, он увидел, что бык Васька как лежал на тракторных санях, так и теперь лежит.

"Что же это ты? - сказал Соломатин бригадиру Первушину с укоризной. - Он же остался!" "Ну остался", - согласился Первушин.

"Как же это ты, Николай Иванович!" "А ты его попробуй подыми!" - сказал Первушин. " — Да вон ведь вас целая бригада!" "Бригада! - хмыкнул Первушин и сплюнул. - Ну бригада... А может, он буйный, бык-то, леший его разберет..." "Как же быть-то теперь? - покачал головой Соломатин. - Ведь его Москва ждет..." "Экое дело - Москва! - сказал Первушин. - Что они там, без быка подохнут, что ли?" "Ты это прекрати! - вскричал Соломатин. - Ты эти глупости из головы выкинь..."

Закурили. Помолчали минут пять. "Я ведь что... - сказал Первушин, - я ведь не против... Ну поднимем мы этого быка, не беспокойся, экая важность - бык! Да сколько мы таких быков!.. Но я ведь что думаю... Тут ведь другой вопрос... Если взглянуть по-хозяйски... Взять бы сейчас какой-нибудь кран, как в порту, с цеплялкой, и этого быка легонько так по воздуху и перенести... Или я вот что думаю - сетку такую большую сделать, как сумку, с мотором и пропеллером, и чтобы она сама этого быка прихватила и доставила... Или вот тележку на воздушной подушке у нас пустить... А потом и на всех станциях..." "Да где ж я тебе такую сетку-то возьму! - расстроился Соломатин. - И подушки..." "А-а-а! - раздумчиво протянул Первушин. Потом сказал великодушно: - Ну

ладно. Можно взять транспортер из пакгауза и на ленте быка прямо в багажный вагон и пустить". "Ну и возьми транспортер!" - обрадовался Соломатин. "Возьми! - Первушин шапку сдвинул на затылок. - Легко сказать возьми! Он же сломанный!" Соломатин был тихий человек, а тут опять вскричал: "Так что же ты мне голову морочишь! Все, хватит! Чтоб на красноярском он у меня был в багаже!" "Ну ладно, на красноярском, - согласился Первушин, - а то ведь он тут на морозе кашлять начнет".

Первушину и бригаде стало жалко животное, мерзло оно ни за что, и когда через час показался поезд, пусть и не красноярский, бригада с помощниками из пассажиров, как могла, сдала быка в багаж. Уплывали, уменьшаясь, последние огни поезда, взмокший Первушин глядел им вслед довольный. Вышел Соломатин, спросил: "Готова бригада-то?" "Да мы его уже посадили!" - счастливо улыбнулся Первушин. "Куда?" "Да вон на тот поезд!" "Он же в Хабаровск!" - охнул Соломатин. "Ну в Хабаровск... - сказал Первушин. - А то он тут замерз бы! Да и не все ли ему равно - что Москва, что Хабаровск! Везде свои люди. Если надо, так они его и обратно отправят... А то окоченел бы..." "Дубина ты еловая..." - только и сказал Соломатин, прежде чем осесть на шпалы.

Лишь на четвертый день бык прибыл в Москву. В первый день быка смотрели эксперты и только руками разводили. На утро был назначен закрытый просмотр быка для специалистов и передовиков. И лишь на третий день было обещано вывести быка на большой круг выставочного ипподрома, чтобы и широкая публика могла на него взглянуть. Было известно, что в Москву уже прилетел профессор из Оксфорда Чиверс и один из адвокатов ненасытного Бурнабито.

Профессор Чиверс получил возможность обследовать животное вместе с московскими экспертами. Поздним вечером он сообщил, что панкратьевский бык похож на принсипского, однако он выше него на семь сантиметров, опасней рогами, желудок имеет, напротив, объемом меньше, а шерсть у него куда более густая и длинная, что вызвано суровым климатом Севера. Объяснить одновременное появление гигантских быков в дальних точках земли профессор был не в силах, и он сказал, что перед нами одна из загадок века.

Адвокат Бурнабито к быку не был допущен. Ему лишь вручили справку, где удостоверялось, что бык Василий имелся в колхозе пять дней назад. То есть еще до встречи быка Мигуэля с Синтией.

Клавдия Петровна, естественно, достала приглашение и попала на закрытый просмотр быка. Взволнованная Клавдия сообщила

Данилову, что взглянуть на быка явился самый свет. Клавдия перечислила, кто явился и что на ком было.

- И как только эта стерва Драницына достала приглашение!.. Она куда хочешь пролезет... И вся в бриллиантах...

- Ну а бык-то что? - спросил Данилов.

- Ну! Бык-то! Это потрясающе! Это бык!

- Там хоть давали что-нибудь задаром-то?

- Нет. И бутербродов не было. Да и пахло там, я тебе скажу... Но зато бык! Как он стоял!

- Стоял? - удивился Данилов.

На закрытый просмотр Данилов не стал проникать из принципа. А вот на выставочный ипподром он пошел с большим удовольствием. Его звали днём сыграть в оркестре Козодоева, он отказался. Мороз был крепок, сияло солнце. Данилов легким, но праздным шагом двинулся на Выставку. Идти-то ему было пятнадцать минут. Уже у касс он увидел очереди. Данилов посчитал, что в этих очередях можно замерзнуть, он решительно прошел к служебному входу, вынул удостоверение театра, взмахнул им и прошел.

Возле ипподрома он увидел живопись масляными красками по жести. Выставочный анималист изобразил панкратьевского быка. Цифрами были помечены все стати быка - и холка, и подгузок, и бедра, и бабки, и седалищные бугры, и маклок, и скакательный сустав, и это самое, и все, все, а ниже шли

данные в сантиметрах и килограммах. По всем статьям выходило, что принсипскому быку куда до нашего панкратьевского. Однако время шло, первый сеанс прогулки быка по большому кругу давно уж должен был бы окончиться, публика волновалась, а быка все не было.

Данилова толкали, лица вокруг из любопытствующих становились нервными и обиженными. Многие сокрушались, что шашлыки возле фонтана кончились, а вот теперь еще задерживают и быка. Все громче слышалось бурление людей за оградой и конницей. "И чего всех этот бык взволновал? - удивлялся Данилов. - Ну пришло бы сюда человек десять любителей - и ладно... А тут Ходынка!" Неспокойно стало у Данилова на душе.

Вдруг крики утихли, все принялись шептать: "Вон он! Вон он! Ведут!" Данилов вытянул шею, увидел - вели Василия. Публика замерла. Бык был гигант и красавец. Девочка детсадовских лет вскрикнула в восторге: "Мамонт! Мамонт! Саблезубый!" Но тут бык остановился, лег на снег и, как понял Данилов, забылся в сне. Публика, восхищенная им, стала подзадоривать быка, требовать от него обещанной прогулки по большому кругу. Потом публике стало жалко быка - каково ему на снегу-то! Потом прошла и жалость. Ропот возник в толпе. Животноводы принялись толкать быка,

но не растолкали. Усилия администрации к успеху не привели. Публика стала стучать обувью по мерзлой земле. Недоеденные продукты полетели в животное. Публика ревела: "Давайте прогулку! За что платили! Халтура!"

Данилов почувствовал: если сейчас бык не встанет, будет смертоубийство. Начнется здесь, а потом прорвется народ из-за ограды, смяв конницу. Взволнованный Данилов стал пробираться к выходу на ипподромное поле. Пуговицы отлетели от его пальто, шарф чуть не остался на одном из зрителей, и все же Данилов вышел на быка. Тут его попридержали милиционеры.

Данилов, расстроенный, отошел в сторонку, народ ревел, недалеко от себя в толпе Данилов увидел неистовую Клавдию. "Да что же это я! Забылся, что ли? - подумал Данилов. - Что же я действую таким дурацким способом!"

Он проник в помещение, где держали выставочную скотину, и там, за углом, сдвинул пластинку браслета. Через секунду он был уже быком, ростом даже и поболее быка Василия, но другой масти - шерсть его вышла зеленая с белыми полосками, отчасти напоминавшая о тельняшке. Данилов четырьмя ногами пошел прямо на лейтенанта, тот поглядел на него с уважением и пропустил на поле.

Публика опять притихла, а животноводы Кукушкин и Кулешов на всякий случай отошли от воспитанного ими быка. Данилов

приблизился к быку Василию и рогом ткнул его в бок.

- Кармадон, это ты, что ли?

- Ну... - не сразу прохрипел бык Василий.

- Это я, Данилов. Вставай!

- Не хочу... - буркнул Кармадон. - Отстань...

- А я тебе говорю - вставай!

Данилов знал теперь точно, что это не самозванец. Он еще раз, уже сильнее, ткнул Кармадона рогом.

- Отстань...

- Я говорю - вставай!

Бык Василий встал.

- Теперь иди за мной, - приказал Данилов. - И не зевай! Иди, иди, я тебе говорю.

Сначала Данилов подталкивал Кармадона, потом тот пошел сам, и хорошо пошел. Они с Даниловым сделали большой круг, вызвав аплодисменты. Данилов искренне жалел, что принял такой гигантский вид с дурацкой шкурой, как бы теперь и к нему не проявили интерес эксперты. В помещении он шепнул Кармадону:

- У меня больше нет времени. Мне - в театр. Увидимся завтра. Ты должен еще три раза пройтись по кругу. Еще три сеанса. Иначе с тебя публика снимет шкуру... Понял?..

Бык Василий кивнул. Но и зевнул при этом. Данилов на всякий случай сам запрограммировал ему еще три большие прогулки. Тут же он вышел в пустынный коридор, превратился сам в себя и покинул Выставку достижений.

"А сон его уже не такой глубокий, - отметил Данилов. - Впрочем, мне-то что? Бык этот мне порядком надоел".

Тем не менее ему и днем и вечером пришлось слушать про быка. И чем дальше он находился от Выставки достижений, тем интереснее были новости. Говорили, что уже сейчас на Выставку везут еще и мамонта, или саблезубого тигра, или снежного человека, и их взяли. В троллейбусе дамы на инвалидных местах были уверены, что синий бык явился не к добру. "Вот увидите, - сокрушалась одна из дам, - сильное наводнение случится в Африке... Или у нас творог подорожает..." И дама эта в троллейбусе раздражала Данилова, и Кармадон - вот уж устроил цирк! Все это брожение вокруг быка было Данилову противно. "Ну ладно там, в Испании; а у нас-то что голову терять из-за быка, пусть и особенного!" - думал он как патриот.

В час ночи его разбудил звонок. "Наташа!" - опять подскочил Данилов. Он обрадовался, но тут же и испугался. Кармадон был в Москве, в любое мгновение мог явиться к Данилову на постой, Наташа не должна была знать о нем, а он - о ней. Но звонила опять Клавдия.

- Данилов, - сказала она, - ты ведь небось не спишь. А я тебя видела. Возле быка. А о чем это ты милиционера просил?

- Я искал туалет, - хмуро сказал Данилов.

- Это на тебя похоже... Ты хоть видел, как бык-то прошел?

- Нет! - Данилов готов был трубкой ударить по аппарату. - Я был в туалете.

- Значит, ты главного не видел! Как наши подпустили к Василию грамотного бычка, нарочно выкрашенного в зеленый цвет с белыми полосками, чтобы Василий принял его за своего и послушался. И этот переодетый бычок, жалкий довольно, взял и...

- Хватит. Прощай. У меня зуб болит! - резко сказал Данилов и повесил трубку.

Зуб у него не болел, но от Клавдии мог заболеть.

"Действительно, зачем я выбрал какую-то идиотскую шкуру! - отругал себя Данилов. - Но отчего же - бычок! Да еще жалкий..." Засыпая, он вспомнил, что пройтись быком по заснеженному ипподрому ему было приятно...

(продолжение предполагается)

Владимир ОРЛОВ

Шеврикука,
или Любовь к привидению

Роман

(третья часть триптиха "Останкинские Истории": "Альтист Данилов", "Аптекарь", "Шеврикука")

3

Уже не нахал Продольный с дядей волновали Шеврикуку. Разбор истории с ними (хотя докладную, следуя правилам дисциплинарного канона, Шеврикука и написал) был отложен. Нет, он думал об ином. Храбрился,

---

Продолжение. Начало в № 16.

охлаждал себя, но уже не мог сидеть на месте и в семь вышел из дома. Быстро зашагал по улице Кондратюка, будто ему было необходимо ехать куда-то метрополитеном. На исходе Кондратюка он столкнулся с домовым Петром Арсеньевичем. Хотел было проскочить дальше, ан нет.

- Здравствуйте, любезный Шеврикука, - раскланялся Петр Арсеньевич.

- Добрый день, - вынужден был остановиться Шеврикука.

- Разве вы не туда? - удивился Петр Арсеньевич.

- Я?.. Отчего же, и туда... Но ведь рано. А потом и туда. То есть... Я...

- Так пойдемте вместе, - предложил Петр Арсеньевич. - Не спеша.

- Ну да, ну да, - буркнул Шеврикука.

Петр Арсеньевич, домовой из углового строения на Кондратюка, был церемонным мухомором, отвязаться от него Шеврикука вряд ли бы смог. Люди дали бы Петру Арсеньевичу лет семьдесят с накатом, на улицы при публике он выползал с тростью, инкрустированной перламутром, летом носил чесучовые брюки и чесучовую же куртку, был почти лыс, имел седые усы и бородку клинышком, делавшую его отчасти похожим на умилительного дедушку, пребывавшего некогда всесоюзным старостой. Впрочем, Петр Арсеньевич относился к тому дедушке дурно. В Останкине Петр Арсеньевич

считался домовым несущественным; когда случались посиделки, ему полагалось присутствовать лишь в прихожей. Что уж говорить про Совещания?

- Отчего это посиделки, - принялся размышлять Петр Арсеньевич, - стали устраивать в выходные дни?

- Телевизоров насмотрелись, - сказал Шеврикука.

- Ах, да, да, - закивал Петр Арсеньевич. - Видимо, так. А вот... - тут же он замолчал, отважиться долго не мог и все же произнес: - А что вы, любезный, слышали про сокращения?

- Какие сокращения? - спросил Шеврикука.

- Ну, не сокращения... Ну, может, перетасовки... Или как по-нашему?.. Повсюду ведь перетасовывают... Опять же по телевизору...

- Не знаю. Не слышал, - сказал Шеврикука.

Он знал. Он слышал. Но не захотел огорчать старика.

- Ну да, - вздохнул Петр Арсеньевич. - Это вас не коснется. Вы фигура заметная. И живая. Не то что мы, древние развалины.

- Не скромничайте, Петр Арсеньевич, - сказал на всякий случай Шеврикука. - И не нагоняйте на себя страхи... заранее...

- А вот... Поговаривают... - сказал Петр Арсеньевич. - Эти... отродья... - и тростью было

указано на Останкинскую башню, - в поход будто на нас хотят пойти... Войну, говорят, желают начать... Тогда, может, будет не до сокращений, не до перетасовок этих?.. А?

- Да неужели вы, Петр Арсеньевич, - поморщился Шеврикука, - не успели привыкнуть к войнам или к перетасовкам?

- Ах, да, да! - меленько рассмеялся вдруг Петр Арсеньевич, будто Шеврикука изволил отменить поводы его волнений. - Вы правы, вы правы... Однако, согласитесь, случай здесь особенный. Чаще мы оказывались при чьих-то чужих войнах, а тут намерены пойти походом именно на нас. Готовы ли мы к этакому повороту дел?

- Зачем мы нужны-то им? - спросил Шеврикука. - На кой им этот поход?

- Кабы я знал... Но ведь поговаривают... И чувствуется напряжение энергий, - сказал Петр Арсеньевич. - Может, раздражаем мы их... Может, они от гордыни... Молоденькие, свежие, теплые, пар от них идет, и вот всё ломать хочется... Мол, мы одни правы и одни могучи, а все остальные закоснели и идиоты... И положение их требует драки.

- Какое такое положение?

- А такое, - охотно принялся разъяснять Петр Арсеньевич. - Они-то ведь завелись не спросясь. Мы, положим, завелись тоже не спросясь. Дух хлеба, дух очага, дух, простите, щей, или что там варилось до щей. Но ведь когда это было? И уже когда мы признаны,

установлены, вошли во все ведомости и протоколы, живем именно узаконенными, никому не мешаем и соблюдаем приличия. А они?

- Что они?

- Вот то-то! Что они! Они-то сами толком не ведают, кто они такие и зачем. Их распирает, дрожжи гонят их вширь и ввысь, они не знают пока, в чем остановятся и какие формы им суждено принять. И при этом они незаконнорожденные. Каково им успокоиться-то? И каково усмирить свое высокомерие? - Тут Петр Арсеньевич замолчал. Возможно, ему показалось, что он излишне горячится и шумит, а вокруг - любознательные. - Но это я все так, с чужих слов. Я-то никого из них и не видел. Вы хоть что знаете о них? Видели кого? Или, может, даже знакомы с кем?

- Ничего не знаю. Я ими не интересуюсь, - соврал Шеврикука. - И тем более ни с кем не знаком.

- Ну конечно, ну правильно, - закивал Петр Арсеньевич. - Но постойте, куда же вы несетесь, я не поспею за вами, ноги у меня дряхлые, не ваши ведь... Да... И Чаши Грааля на Башне нет...

- Чаши Грааля? - Шеврикука остановился, перед тем в воздух чуть не взлетев.

- Чем я вас так напугал? - остановился и Петр Арсеньевич.

- Нет. Я так... оступился... Но какая тут еще Чаша Грааля?

- Чаша Грааля. Меч-Кладенец. Кольца Альманзора. Сокровища Полуботка. Что там еще? - сказал Петр Арсеньевич. - Простите, что я так высокопарно говорю. Но у них этого нет.

- А у нас есть?

- Любезный Шеврикука, - с укором улыбнулся Петр Арсеньевич. - А вы будто не знаете.

- Нет, я, конечно, слышал... легенды, песни, шуршание всякое... - смутился Шеврикука. Он никак не мог прекратить валять дурака, от всех ожидал нынче подвоха. Отношения с Петром Арсеньевичем были у него, как у пса с кустом барбариса: знал, что осыпается такой на углу улицы Кондратюка, и всё. Что он теперь-то пристал к нему, или - одинок и не с кем поговорить? А кто не одинок? Но вдруг Петр Арсеньевич и впрямь рыл ему яму или испытывал его...

Шеврикука сказал: - А я это шуршание в голове не держу. Какой толк? Может, когда-то что-то и было у нас, но сейчас оно наверняка либо истлело, либо затупилось, либо обратилось в глину. Присутствие его полагалось бы чувствовать, а не чувствуется. Извольте. Прокладки в моих подъездах стираются чуть ли не каждый день.

И сам остался недоволен сказанным.

- Я вас понял... Извините, пожалуйста, что навязывался в собеседники, - Петр Арсеньевич потух, тростью тыкал в асфальт, будто ослеп. -

Единственно скажу напоследок. Полагаю все же: оно, то, что было, и теперь не шуршание и не привидение. Напротив... Надеюсь на это.

Шеврикука резко взглянул на Петра Арсеньевича.

- Опять же извините, - грустно сказал Петр Арсеньевич. - Я говорил про свое, нисколько не имеющее к вам отношения.

Дальше они шли молча.

Детская музыкальная школа стояла прямо возле Землескреба. Прогулку Шеврикука совершил, но успокоиться ему не было дано. Метрах в ста от школы Шеврикука с Петром Арсеньевичем растворились в воздухе и возобновились личностями на втором этаже учебного заведения. Прежде, когда Останкино лишь переходило из полудачного состояния в городское, местные домовые собирались на Аргуновской улице в деревянном доме с башенкой. На первом этаже там были почта и сберегательная касса, на втором - жилищно-эксплуатационная контора. Ночью в помещениях конторы и сходились. А где же, полагали, еще? Но тот дом с башенкой снесли, а ЖЭКи, бывшие домоуправления, усовершенствовали, наградив их притом собачьими кличками - ДЭЗы и РЭУ. Ночью при ДЭЗах и РЭУ собираться отказались, иные

робко, иные революционно, - неужели они проходят по ведомству эксплуатации жилья? (Раньше-то проходили, и на каждое "цыц!" лапками дрыгать переставали.) Переругавшись, утихомирились с соблюдением достоинств и гражданских позиций и согласились собираться в детских музыкальных классах. Уж как бы при культуре. Тут, кроме классов, имелись и вестибюли, и учительские, и туалеты, и подоконники, и даже малый концертный зал. И потихоньку привыкли к тому, что именно здесь проходили теперь и ночные общения, и заседания клуба, и творческие отчеты домовых, и судилища, и деловые посиделки, и даже кутежи. Ревнители нравов поначалу протестовали: "Дети и кутежи - несовместимо!" - вынуждая желающих предаваться весельям в диетической столовой при ресторане "Звездный". Но в "Звездный" и по ночам забредали подгулявшие мужики и бабы, грубили домовым, и те решили, что покой и безопасность они обретут лишь в музыкальной школе. Но когда объявлялись деловые посиделки, все иные встречи по интересам с ними совмещаться не могли. Хотя посиделки и были простым толковищем, стенограммы на них не велись и резолюции не принимались.

В прихожей перед учительской домовых сидело уже много. И Петр Арсеньевич тихо опустился на скамейку подальше от важной нынче двери. Знал свое место. До толковища

оставалось семь минут, и Шеврикука подошел к окну, будто нечто чрезвычайное должен был рассмотреть сейчас на проезжей части. Сам же оглядывал запасных. Или резервистов. Сидели они скромные, почти безгласные, но с пониманием предназначенного им на лицах. Хотя из резервистов их никуда и не переводили, им доверялось лишь соблюдение традиций и церемониала.

"Ба! - открыл рот Шеврикука. - Да здесь же Продольный!" Как ни мала была роль сидельца в прихожей, но Продольный и до нее не дорос. Присутствие его при толковище было безобразием, и Шеврикука двинулся было к Продольному с намерением указать наглецу, что он оскорбительно лишний, но тут возник привратник и глашатай (им был нынче домовой с Аргуновской улицы Дурнев, он же Колюня-Убогий) и объявил: "Действительных членов просим в зал". Шеврикука как бы нехотя повернул к двери, но Колюня-Убогий его придержал и сказал: "Вас не велено. В списке нет. Вас не велено..."

"Чего? Меня нет?" - Шеврикука не взревел, не зарычал, а произнес это шепотом, но зловещим, какой полагалось бы услышать и в дальних выселках - в Солнцеве и в Бутове. Колюня-Убогий егозил, видно было, что страшился Шеврикуку, и слова, испуганные, смущенные, выползали из него: "Не велено... В

списке нету... А я что? Кто я?.. Я не сам... Я сегодня здесь по расписанию..."

"Да ты что! Я действительный член! А ну позволь!" - оттолкнул привратника Шеврикука и шагнул в зал, но движением руки распорядителя, домового Тродескантова, был остановлен. Услышал поразительное: "Вам сегодня определено место в прихожей". И сразу же понял, что остановлен не жестом Тродескантова, а колющим, властным взглядом неизвестного доселе на посиделках персонажа. Персонаж этот был бойцовского вида тяжеловес в темно-синей шелковой поддевке с косым воротником, подпоясанной крутым, витым шнуром, бритый наголо, утром представленный Шеврикуке липецким дядей подлеца Продольного. "Шея-то какая! И затылок, - пришло в голову Шеврикуке. - Это уж и не Савинков, а считай Котовский!" И стало ясно, что утром тот прикидывался дядей, — может, дурачась, но, может, и унижая себя, а кепчонку надевал маскарадную.

"Я протестую! - теперь уже заревел Шеврикука. - Я действительный член!" Тродескантов в сомнении отправился было к домовым, стоявшим возле гостя (или как его называть?), но губы того скривились, и Тродескантов послушно заявил Шеврикуке: "Место вам сегодня определено в прихожей!" Ошеломленный Шеврикука опустился на

презренную скамейку сидельцев в прихожей. Ему тут же бы покинуть паскудное собрание, но уйти отсюда до исхода посиделок он не имел права. Да что не имел! И ушел бы! Однако - и сам стыдился признаться себе в этом - он еще надеялся, что сейчас дверь распахнется, перед ним сотворят поклон и призовут на совет.

Дверь и впрямь отворилась, распорядитель Тродескантов что-то шепнул привратнику-глашатаю, и Колюня-Убогий, будто сам себе не веря, объявил: "Полного сбора нет. В зал приглашается Петр Арсеньевич, улица Кондратюка, дом номер два". Петр Арсеньевич поднялся, но, похоже, тут же должен был рухнуть в обморок. Его подхватили под руки соседи и почтительно повлекли к недоступной им двери.

Так уж и недоступной? Вот тишайший Петр Арсеньевич всегда кротко сидел в прихожей, ни на что не претендуя, уж тем будучи доволен, что зовут из года в год, — и нате вам! - чудесный поворот в судьбе.

Но каково было Шеврикуке! Эко его провели мордой по булыжной мостовой! Экое позорище ему учинили! Сколько сидело вокруг свидетелей его срама, замолкнув в испуге и удивлении! Поглядывали они на него, кто с любопытством, кто с состраданием, а больше-то небось ехидничая и торжествуя. И в зале при лучинах (пусть и в светлый вечер, но непременных, как дань преданию) наверняка думали теперь о нем,

Шеврикуке. Думать думали, но говорили об ином.

То ледяная дрожь била Шеврикуку, то лава кипела в нем, требуя выплеска. Подходил привратник и глашатай Дурнев с колокольцем в руке. Колюня-Убогий, тварь жалкая, останкинское посмешище, юродивый, шут дрожащий, готовый перед любым, кто покрепче, лебезить и с бубном мелко попрыгивать, слюну изо рта пуская — он и теперь, на всякий случай впереди, побитого хотел задобрить, бормотал виновато, склонившись над Шеврикукой, себе в оправдание:

"Я ведь что... Я-то самый поганенький. Но ведь расписание. Вот по расписанию нынче я с колокольцем. А ты гневаешься на меня. И в обиде. И на наших. Они-то, может, и пустили бы тебя. Хотя иные и опасаются озорства... Но пустили бы... А этот строг. Который с полномочиями-то... Любохват... Оттуда (и пальцем - указ на юг, на Китай-город)... Строг он и громок... А я что?"

"Сгинь!" - цыкнул на привратника Шеврикука. Досидел до прощального звона колокольца и в мгновение, дозволявшее уйти с посиделок, ушел, ни на кого не взглянув. Ринулся куда-то в синих, сухих сумерках, а куда - и сам не знал. Но не домой. "Всё! - говорил он себе. - Час пробил!"

- Шеврикука! - окликнули его уже на Цандера. Шеврикука обернулся. Сзади шагал церемонный мухомор Петр Арсеньевич. "Как настигла меня эта развалина? - удивился Шеврикука. - И тоже, что ли, примется сейчас оправдываться? Увольте!"

- Жизнь есть жизнь, - сказал Петр Арсеньевич. - Истолковывать что-либо нет нужды... Но коли вдруг возникают соображения о пробитом часе или о том, что Рубикон можно и не переплыть, а перешагнуть, не всегда следует спешить. Или быть сгоряча опрометчивым...

- Я не могу с вами вести разговор на равных, - бросил Шеврикука.

- А я, может, и не вам говорю, а себе... И себе же замечу, что дела у нас с Отродьем этим, с духами Башни, выйдут серьезные. Увы, слишком серьезные. И в скором времени... Да... А вслух я бормочу опять же по старости, оттого что всё во мне спотыкается и тяготится существованием... Пребывайте в здравии...

И Петр Арсеньевич поскрипел к себе на Кондратюка.

(продолжение предполагается)

Р. Киплинг

Амазонка

На далекой Амазонке
Не бывал я никогда.
Только "Дон" и "Магдалина" -
Быстроходные суда,-
Только "Дон" и "Магдалина"
Ходят по морю туда.

Из Ливерпульской гавани
Всегда по четвергам
Суда уходят в плаванье
К далеким берегам.
Плывут они в Бразилию,
Бразилию,
Бразилию,
И я хочу в Бразилию,
К далеким берегам!

икогда вы не найдете
В наших северных лесах
Длиннохвостых ягуаров,
Броненосных черепах.
Но в солнечной Бразилии,
Бразилии моей,
Такое изобилие
Невиданных зверей!

Увижу ли Бразилию,
Бразилию,
Бразилию?
Увижу ли Бразилию
До старости моей?

Цитата номера:

Всё чаще стали отказывать приборы, и всё реже — женщины...

Пускай исчезнет среди пыльных груд
Истлевших книг твой вдохновенный труд;
След твоего дыханья
в книге мира
Ни вечность, ни забвенье не сотрут.

Э. Ананиашвили

НЕЗАВИСИМЫЙ ИНТЕРНЕТ-ЖУРНАЛ

<ИБИС>

№ 18

Изготовлен в редакторе Word 9.0/2000 USA. Выпускается на личные средства издателя. Соответствует примерно 100 бумажным полосам формата А5 кеглем Arial-11. С иллюстрациями.

Периодичность — в зависимости от наличия высококачественных статей. В виде ZIP-файла с названиями типа "tunn07" (номера с 1-го по 17-й) или "ibis19" (номера с 18-го по...) журнал бесплатно предоставляется на почтовом сервере http://www.mailru.com с именем\адресом eugenelev@fromru.com и паролем academia. Там можно выбрать любое количество статей номера, для чего, возможно, потребуется войти на сайт и через опцию "управление файлами" ("file manager") предварительно посмотреть содержание номера (файл "Contents"): для этого он обычно автоматически распаковывается и просматривается. Затем выбрать желаемый файл №... (то есть интересующую Вас статью; а о чём она, там написано) — и его\её себе скачать. Впоследствии для правильного чтения с экрана и просмотра рисунков необходимо (для редактора Word-9/0\2000) установить режим Print Layout View, 75%, шрифт Arial 20 полужирный ("bold").

Приглашаются желающие публиковаться. Гонорары не выплачиваются, но постоянным авторам гарантируется улучшение кармы. С мнением авторов редакция согласна не всегда.

Тел.: (095) 493-54-87 (редактор)

E-mail: eugenelev@fromru.com (редактору)

Адрес в Интернете: http://www.arimoya.narod.ru

"Следует всеми силами продвигать знания о Тонком мире."

Агни Йога